

Т Р У Д Ы
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО
ВОЛЬНАГО ОБЩЕСТВА
Л Ю Б И Т Е Л Е Й
РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

~~~~~  
*Miser sum, miserisque succurrere disco.*

155915. ~~~~~

1825 ГОДЪ.

—————  
Ч А С Т Ь  X H H I I .

~~~~~  
С А Н К Т П Е Т Е Р В У Р Г Ъ .

Въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чѣмъ, по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлено было въ Цензурный Комитетъ *семи* экземпляровъ сей книги для препровожденія, куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Октября 1 дня 1825 г.

*Цензоръ Стат. Сов. и Кавалеръ
Александръ Вируковъ.*

ЛИТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

ВЪСТОВЩИКИ.

(Изъ сочиненій Жуи).

Le diable emporte ceux qui ont
déjà débité nos nouvelles.

Одно изъ самыхъ странныхъ и самыхъ общихъ разположеній ума человеческого есть шоль родъ безпокойства, шоль котораго раждается пошребность узнавать и разносить вѣсти.

„Мнѣ непременно надобны новости, говаривалъ знакомецъ мой П***, хорошия или дурныя, все равно; я шогда шолько ложусь спать въ веселомъ разположеніи духа, когда доволенъ газетшми.“

Сколько есть людей, которые по чистшй совѣсти могли бы признашья въ

Часъ XXXII. Кн. I. 1

помъ же. Это любопытство безъ цѣли и почти всегда безъ пользы, обратившееся у нѣкопорохъ въ спросъ, произвело породу *вѣстовицковѣ*, копорыхъ можно вообще раздѣлить на три разряда: на *вѣстовицковѣ* садовыѣхъ, на *вѣстовицковѣ* кофейныхъ домовъ и на *вѣстовицковѣ*, разсказывающихъ новосми въ госпинныхъ.

Первый разрядъ, въ кошоромъ славный Метра и Аббашъ Т*** были образцами, занимается исключительно политическими произшествіями.

Впорой имѣеть въ вѣдніи своемъ полишику, лигнатуру и городскія вѣспи. Наконецъ претій состоишь изъ ошборныхъ *вѣстовицковѣ*. Вліяніе его объемлеть все, и власть его неограниченна.

Между многочисленными преемниками двухъ искусныхъ родоначалниковъ, о которыхъ я упомянулъ выше, шеперь особенно опличаеися неушомимой Риголешъ. Съ семи часовъ утра онъ уже на ногахъ: распросивъ сперва, молашницу свою о силахъ и движеніяхъ неприяшеля, онъ бѣжись въ Тюльери, ожидаесть разнощи-

цу журналовъ, которые онъ перечисыва-
 ешь съ начала до конца, весьма часто не
 замѣчая, что они опъ слова до слова
 повворяють шо, что было написано въ
Мониторѣ, который онъ читалъ уже
 наканунѣ. Пономъ проводишь онъ часа два
 на *Карусельной* площади, гдѣ разсмапри-
 ваешъ прѣзжающихъ курьеровъ: по скоку
 лошади, по осанкѣ всадника онъ угадываешъ
 содержаніе привезенныхъ имъ извѣстій,
 о которыхъ черезъ полчаса будетъ разска-
 зываешъ съ такою же увѣренностію, какъ
 будшо бы они ему были сообщены. Глу-
 хой звукъ поразилъ опытное его ухо: эшо
 пушка Инвалиднаго дома; онъ радуешся
 тому, что прошивной вѣшеръ, едва поз-
 воля ея слышашъ, даешъ ему надежду
 рассказывашъ за особенную новость о по-
 бѣдѣ, которую возвѣщаешъ эшошъ вы-
 сшрѣшъ. Онъ идешъ на Ипаліанскій буле-
 варъ пошолковаешъ съ двумя глубокомыс-
 ленными полишиками, которые всякой
 день сходяшся шамъ въ положенный часъ.
 Они условливаюшся о главныхъ происше-
 ствіяхъ, которыхъ должно въ эшошъ день
 пуспшшъ по городу; и для избѣжанія ге-

ографическихъ ошибокъ, кошорыя эпископа неоднократно уже дѣлали, они тщательнѣе разсматриваютъ одну изъ картикъ, вывѣшиваемыхъ книгопродавцами передъ своими лавками и изображающихъ шествіе войны. Толпа собирается вокругъ нихъ; и Риголетъ, съ зубочисшкою въ рукѣ, въ очкахъ на носу, важно указываетъ всѣмъ мѣста, занимаемыя арміями, и положеніе, въ кошорое каждая изъ нихъ должна встать для того, чтобы не быть разбитою. Нѣсколько дней тому назадъ былъ я свидѣтелемъ одного изъ эпископскихъ военныхъ распоряженій и осмѣлился замѣтить генералу Риголету, что онъ послѣдовалъ свое войско въ боевой порядокъ по рѣкѣ, кошорую принялъ за большую дорогу. Окончивъ жашву и наполнивъ память свою именами городовъ, деревень, полковъ и генераловъ, кошорыя они нерѣдко коверкаютъ и смѣшиваютъ, при главныхъ нашихъ *вѣстовщикахъ* разспрашиваясь и отправаляющагося одинъ въ *Люксембургъ*, другой въ *Пале-Ролль* и третій въ *Тюльери*. Последнее мѣсто, важнѣйшее изъ всѣхъ трехъ, всегда нару-

чаепся неушомимому Риголетту. Около двухъ часовъ, какова бы ни была погода, вы непременно найдете его шамъ посреди кружка шарыхъ полишиковъ, жарко разсуждающихъ о выгодахъ государствъ, о козакахъ, о союзникахъ, о наборѣ войскъ, чертящаго на песокъ концемъ своей шпроты разположеніе битвы, кошорая имѣеть быть дана черезъ нѣсколько дней; и пожалуй впередъ готовъ онъ объявить вамъ число плѣнныхъ, раненыхъ и убишыхъ. Сколь ни уважаются его опредѣленія, но иногда возникаетъ споръ о достовѣрности разсказываемыхъ имъ событій; ничто не можетъ быть забавнѣе, какъ принимаемый имъ на себя важный видъ, скрытные и хитрые взгляды, съ кошорыми онъ показывается клеймо письма, полученнаго имъ отъ зятя его, пославшика съѣстныхъ припасовъ. „Ему вѣрно (прибавляеть онъ съ гордою и вѣспѣ насмѣшливою улыбкою) должно быть извѣстно по, что производишь въ арміи, кошорую онъ кормишь.“ Если же случишся, что такіе доводы не заставяшь пошчасъ молчашъ упорнаго спорщика, шо пре-

видящъ Риголешъ кладешъ очки свои въ фуляръ, сухо разкланивается съ обществомъ и оканчиваетъ засѣданіе къ великому неудовольствію полищическихъ шрушней, которые слушали его, разинувъ ротъ и выпянувъ уши.

Возвращаясь домой объдаешъ, онъ непременно заходитъ на биржу узнать о денежномъ и вексельномъ курсѣ, въ которомъ, каково бы ни было его состояніе, онъ всегда умѣетъ найти доказательство въ пользу своихъ новостей и въ подтвержденіе своихъ догадокъ.

Случай привелъ меня на прошедшей недѣлѣ въ одинъ кофейный домъ близъ *Новаго моста*, въ которомъ я никогда еще не бывалъ (въ чемъ долженъ признаться къ стыду моему, я, который еще болѣе по собственнѣй склонности, чѣмъ по званію, полагаю себя знающимъ Парижъ по крайней мѣрѣ не хуже покойнаго Гюрюпо, котораго словарь, не смотря на мнѣніе о немъ Лудовика XV, есть весьма не полное изображеніе нашей столицы). Кофейный домъ *Манури* (шакъ онъ называется) сохранилъ еще

вѣщо гопическое, могущее произвешти
 пріятное впечатлѣніе только на человѣ-
 ка моихъ лѣтъ; тамъ не блискаетъ ни
 вызолоченая бронза, ни хрусталь; вмѣ-
 сто дорогихъ граничныхъ и краснаго де-
 рева споликовъ, вмѣсто пышныхъ кре-
 селъ, огромные орѣховые сполы съ раз-
 ными ножками и длинныя скамейки съ
 мягкими подушками украшаютъ залу; въ
 буфетѣ сидитъ подслыный человѣкъ, ко-
 шораго искусство колоть сахаръ можетъ
 быть пріобрѣшено не иначе, какъ развѣ
 сороколѣпнымъ обыкомъ. Превосходный
 кофе, поданный мнѣ съ большою вѣжли-
 востію въ чашкѣ, копорой полное дно
 уменьшало количества онаго по край-
 ней мѣрѣ на претъ, совершенно возвра-
 тилъ меня къ лѣтамъ моей юности, а
 люди, меня окружающіе способствовали
 къ продолженію этой пріятной мечты.
 Мнѣ въ ту минуту показалось, что всѣ
 шаринные полишки древяго Краков-
 скаго дерева и большой *Пале-Ролльской*
 алеи собрались въ кофейный домъ *Манури*,
 гдѣ къ великому удивленію своему узналъ
 я подлинники, изображенные на претѣ

небольшихъ рисункахъ, которые я наканунѣ купилъ у Маршинета.

Мнѣ наскучило слушаніе упоминательныхъ сужденія о войнѣ: я оставилъ полишниковъ и приблизился къ сполу, гдѣ пять человекъ слушали шестяго съ любопытнымъ вниманіемъ, которое выразалось на лицахъ ихъ самымъ забавнымъ образомъ. Орашоръ былъ мѣховщикъ изъ улицы *Бертенъ-Поаре*; прежде, нежели одинъ изъ моихъ сосѣдовъ сообщилъ мнѣ о немъ свѣдѣнія, я уже угадалъ его званіе по изношенной плисовой шубѣ, подбишой старымъ лисьимъ мѣхомъ, и по небольшой собольей муфтѣ, которую перець и камфора пятьдесять уже дѣшь оспаривали у моли. Эшопъ словоохотный *едствовщикъ* разсказалъ не останавливаясь (и безъ всякихъ переходовъ, кромѣ словъ: *вы напоминаете мнѣ*, обращенныхъ къ такимъ людямъ, которые не раскрывали рта) несчастной случай съ однимъ изъ его жильцовъ, который вчера умеръ, задохнувшись отъ угольнаго чада; и ночное происшествіе, случившееся наканунѣ въ одномъ домѣ *Монетной* улицы, котораго уц-

равитель, возвращаясь изъ кофейнаго дома *Контти*, гдѣ онъ игралъ въ шашки, принялъ за вора и опдалъ подъ спражу молодого купеческаго сидѣльца, который приходилъ со счепоми къ женѣ его.

Мѣховщикъ нашъ еообщилъ потомъ небольшому своему собранію подробности объ успвойствѣ народной гвардіи, въ кошорую онъ недавно былъ пожалованъ сержаншомъ; объ ошобраніи полиціею пожишковъ у одной молодой красавицы, кошорая убрала свои комнашы въ долгъ, надѣясь на обѣщаніе егерскаго поручика; о несостоятельности одного купца изъ *Блоковой* улицы, поргующаго посудой, кошораго всѣ долги проспирались несвыше тысячи ефимковъ; о кулачномъ боѣ между двумя водовозами, и въ заключеніе о шомъ, что каноникъ собора св. Богородицы въ слѣдующее воскресенье будетъ говорить проповѣдь въ *Сенъ-Жерменской* церкви.

Осшавимъ эшаго мѣщанскаго рассказика, кошораго глупое вранье довольно долго насъ занимало, и покажемъ въ эпомъ родъ другую, гораздо болѣе важную, особу:

чишашели мои назвали уже Клеона. Врядъ ли найдется въ свѣтѣ другой такой же охошникъ сообщающъ всѣмъ свои мысли: удовольствіе собирающъ и разноситъ новыя вѣсти естъ, въ глазахъ его, самое сладоспнѣйшее, которое можешь онцущающъ разумное существо; онъ пишеть по двадцати записокъ въ день; бѣгаетъ изъ передней въ переднюю, изъ уборной въ уборную; бросается изъ Тюльери на биржу; съ биржи въ кофейный домъ Торшонн, и болѣе вечеромъ дѣлающъ шушу въ госпитальныхъ, сообщая новости, собранныя имъ въ продолженіе дня, чѣмъ публичныя крикуны, возвѣщающіе о двухъ побѣдахъ. Подобно одному четвероногому живошному, на котораго онъ опчаспи походитъ голосомъ и ушами, онъ изъ всего извлекаетъ себѣ пишу. Для него худы только шѣ вещи, которыя вы уже знаете, и хороши только шѣ, о которыхъ онъ можешь вамъ пересказашъ. Онъ съ одинакимъ удовольствіемъ возвѣщаетъ вамъ о томъ, что засуха разорила какую нибудь страну, какъ и о томъ, что чрезмѣрный урожай обогатилъ ее; что Лима поглощена земле-

шрясеніемъ, или что опкрышы новые оспрова на океанъ; онъ равно спѣшишь сообщить вамъ новосшь о томъ, что единшвенная дочь ваша благополучно разрѣшилась ошъ бремени, какъ и о томъ, что сынъ вашъ опасно раненъ въ послѣднемъ сраженіи. Онъ не пропускаетъ предспавленія ни одной новой піесы и всегда выходитъ изъ театра прежде окончанія для того, чтобы первому разгласить о ея успѣхѣ или паденіи. Испоцивъ всѣ важныя новосши, въ удосповѣреніе кошорыхъ онъ всегда можетъ предспавить вамъ нѣсколько писемъ, Клеонъ пускаетъся въ разыскиваніе анекдотовъ: Гжа N... ѣдетъ на воды лѣчишься ошъ шакой болѣзни, въ кошорой она не опкрылась даже и своему докшору. Придворныя сплетни (кошорыхъ безъ сомнѣнія онъ самъ главный виновникъ) выспавили на всенародное посмѣяніе прелеспную и очень поштенную женщину. Одинъ извѣсшный литерашоръ чипаль ему за шайну безподобную сапирu въ подражаніе Ювеналу, для кошорой онъ, Клеонъ сообщилъ главныя чершы. Славная шанцовщица пе-

ремѣнила вчера на своей каретѣ вензель; опасаются, чтобы наконецъ вмѣсто него не явился номеръ. Знакомая ему женщина родила ребенка о четырёхъ рукахъ въ томъ самомъ домѣ, гдѣ недавно умеръ одинъ знаменитый кришникъ, и проч., и проч.

Послѣ публичныхъ новостей тѣ, которыми охотно все поругать Клеонъ, имѣющъ предметомъ женскую честь; въ три вечера это общественный разбойникъ найдеть средства безжалостно обезславить добродѣтель тридцати матерей семейства.

Но за недостаткомъ другихъ жертвъ неустрашимой нашъ вѣстовикъ готовъ обречь самого себя, расскажетъ вамъ о хитростяхъ, которыми обманываетъ онъ жену свою, о причинахъ, которыя заставили его рѣшиться посѣщать свадьбою дочери, и о нескромности, отъ которой онъ потерялъ лучшаго своего друга; наконецъ, мысль о собственной смерти не представляла бы ему ничего огорчительнаго, если бы онъ могъ выдумать сред-

ство самому разнести о ней печальное известіе.

Эпопъ характеръ *вѣстовщика*, который еще не былъ представленъ на нашемъ театрѣ, очень удачно начертанъ въ превосходной Англійской комедіи: *School for Scandal* (*школа злословія*), сочиненія Шеридана. Въ этой пьесѣ два вѣстовщика рассказываютъ друзьямъ одного обманутаго мужа, будто бы онъ, вмѣсто того, чтобы искупить по законамъ удовлетворенія за свое супружеское безчестіе, вышелъ на поединокъ съ любовникомъ жены своей: происшествіе достоверно; оба они въ томъ свидѣльствуютъ, но одинъ полагаетъ, что дрались на шпагахъ, между тѣмъ, какъ другой, болѣе смѣлый, утверждаетъ, что соперники сирѣялись. Въ доказательство того приводитъ онъ подробности поединка, которыми производилъ въ горницѣ., Мужъ былъ просиранъ прямо въ грудь, между тѣмъ какъ его пуля, не столь вѣрно направленная, задѣвъ стоявшую позади любовника бронзовую спалю Шекспира, вылетѣла въ окно и ранила почталіона, ко-

второй несъ письмо изъ Норшамптона. Эти господа сдѣлали одну шолько весьма небольшую ошибку: поединка никакимъ образомъ не бывало. Должно было повѣришь въ шомъ самому мужу, который самъ пришелъ оспорить эти нелѣпости и присыдиль *вѣстовщиковѣ*. Онъ весьма кспати могъ бы имъ сказать извѣстный стихъ изъ Мольерова *Лжеца*:

Les gens que vous tuez, se portent assez bien. (*)

С. де Шаплетѣ.

~~~~~

(*) Люди, убитые вами, довольно здоровы.

ЛЮБЕНСКОЕ КЛАДВИЩЕ.

Я также былъ въ опдаленныхъ спра-
вахъ, и въ бурныя времена отеческій
кровь не всегда прикрывалъ главу мою.
На высотахъ Леонскихъ горъ я сожалѣлъ
о вѣтрѣ, слѣгка спруившемъ воды Луа-
ры, и оплакивалъ солнце Франціи, кошо-
рое одно могло оживить оледенѣвшіе чле-
ны мои.

Я опишу когда нибудь жизнь свою, о-
бильную несчастіями, заблужденія юно-
си и щещной любви моеи. Прежде
расскажу прогулку свою на кладбищѣ Лю-
бенскомъ.

За городомъ, на дорогѣ, ведущей въ
Либерозу, возвышается при входѣ въ
Часть XXXII. Кн. I. 2

улыбающуюся долину католическій храмъ.

Быль вечеръ. Я шуда направиль уединенные шаги свои и примѣшилъ влѣво кривую цвѣточную алею: журчащій источникъ обтекаль ее. Я приближился. Алеи, кустарники, зеленѣющія и многочисленные вѣтви ихъ, цвѣтшы, напоминавшіе мнѣ о юности, жизни и любви, укрывали въ тѣни своей и благоуханіяхъ надгробный камень, котораго вся надпись состояла изъ двухъ словъ *Людвикъ самоубійца*, начертанныхъ гошическими буквами. Я бросиль на ручей разочарованный взглядъ: глаза мои встрѣпились съ глазами молодой дѣвушки. Около нея паслось нѣсколько овецъ. Она сидѣла у гробницы, до половины развалившейся, и купала въ водѣ бѣлыя ноги свои. Тогда шолько увидѣль я, что ограда не одну гробницу заключала.

Я подозваль пасушку. У нея приколотъ была роза и ногошокъ, шолько что сорванный въ алеѣ. Знала ли ты Людовика, пасушка? Нѣтъ, опвѣчала она, день его смерти былъ днемъ моего ро-

жденія. Но я знаю жалобную пѣсню, которую печальный конецъ его вдохнулъ въ одного Веймарскаго студента, и если угодно, я спою. Я согласился и пастушка запѣла, поспешенно разспрогиваясь:

„О Людовикъ, прежняя гордосишь и украшеніе Тироля! Кшо внушилъ тебѣ мысль оспавишь скалы опчизны? Не было ли у тебѣ опца, кошорому рука швоя должна была закрытьъ глаза? Не уже ли старики деревни швоей не знали, что городской воздухъ смершелень для сына горъ?

„Когда появился Людовикъ въ Любени, прекрасень, какъ первая заря весны, всѣ дѣвы наши задумались; но между множесшвомъ соперницъ въ красотѣ и пріяшности Людовикъ замѣшилъ одну Женни.

„Сердце испиннаго горца любитъ шолько однажды, но навсегда. Безнадежная любовь его убиваетъ. Женни обречена быда иноческой жизни.

„Насшупилъ день священнаго обряда, когда она должна была произнесши обѣщъ своего опшелъничества. Она уже близъ алшаря. Вдругъ шумъ: кто-то шашаетъ

*

ся, падаетъ, кинжалъ въ его груди, кровь обогрила ступени алпая.

„Женни спремипса къ умирающему и узнаетъ Людовика. Она хвапаетъ ослабѣвающую руку его, кошорая, получивъ новыя силы, жметъ также ея руку. Этого только мнѣ и хотѣлось, сказалъ самоубійца. Людовикъ, восклицаетъ дѣва, утлопая въ слезахъ. . . . Людовикъ не слыхаль ея болѣе.“

Пастушка оспановилась и показала на могилу Женни. Такъ какъ и могила Тирольца, она вырыта была въ день рожденія молодой пѣвицы.

Tab. Rom. B. H.

МИНСТРЕЛЬ,

ИЛИ

УСПѢХИ ГЕНІЯ.

Кто скажешь намъ, какихъ усилій стоишь взойти на ту высоту, на которой сіяетъ издалика храмъ славы? Кто изчислишь всѣхъ великихъ геніевъ, испытавшихъ надъ собою вліяніе гибельнаго свѣтила? Ошполкнутые оскорбленіями гордости и презрѣніемъ зависливыхъ, задержанные на пути своемъ непреодолимыми препонами бѣдности, они бродили нѣсколько времени по темнымъ дорогамъ жизни и пошомъ исчезли въ гробъ, незнаемые и неоплаканные.

Однако не всѣ скучали равно помчленіями безславной жизни. Кто не преклонялъ никогда слуха своего на голось по-

квады; шопъ конечно не будетъ роп-
пашь на молчаливость забвенія. Есть лю-
ди, кошорые всю жизнь свою оспаюшся
глухими къ зовамъ честолюбія и бояш-
ся громкой шрубы славы. Къ эшому чи-
слу принадлежитъ герой прошой моей
повѣспи: счаспливый шѣмъ, что получилъ
себѣ въ удѣлъ здоровье, доспашокъ и пи-
шину, онъ не стремилъ далѣ своихъ же-
ланій.

Если бы вздумалось мнѣ призыванъ въ
помощь музу учености, шо я спалъ
бы описывать здѣсь судьбу барда во дни
минувшей спарины. Я сказыль бы вамъ:
сшоприше на пѣвца, онъ идешь съ ви-
домъ, довольнымъ собою, въ простой о-
деждѣ; вѣшеръ развѣваешъ его волосы и
посѣдѣлую бороду; скромная арфа, един-
сшвенная его сопущница въ дорогѣ, при-
вѣшена къ согбеннымъ плечамъ его; она
опкликаешся на вздохи налешнаго вѣшер-
ка, и спарикъ поешъ въ полголоса весе-
лую пѣсню.

Но бѣдный шрубадуръ предметомъ
моего повѣсшвованія. Не удивляйшесь,

гордые смертные, что я посвящаю ему мои пѣсни: музы презирають оскорбительную улыбку счастья и не преклоняють своихъ колѣнь предъ изваяніемъ земнаго величія.

Горы Шотландіи стоятъ въ холодной высотѣ, дикія и бесплодныя. Мирныя долины и ясно небо, ихъ освѣщающее.

Въ стародавніе вѣки (какъ повѣспвуютъ древнія баллады) жилъ одинъ паспухъ. Его предки обитали, можетъ быть, нѣкогда въ землѣ, любимой музами, въ грошахъ Сициліи, или долинахъ Аркадіи; но самъ онъ родился въ спираніи свѣрной, между народомъ, прославившимся своими пѣснями и красою дѣвъ своихъ; между народомъ гордымъ, хотя скромнымъ; невиннымъ, хотя свободнымъ; шерпѣливымъ въ шрудѣ, швердымъ въ опасости, непоколебимымъ въ вѣрѣ и непобѣдимымъ на брани.

Сей паспухъ пасъ малое стадо свое на горахъ Шотландіи. Его руки не учились никогда управлять ни косою, ни плугомъ. Честное сердце сославляло все

его сокровище. Онъ палъ воду, почившуюся изъ горныхъ утесовъ; молоко овецъ его служило ему пищею, а мягкая волна ихъ укрывала его отъ зимняго холода: онъ шель всюду, куда блуждающія снопы спада заводили его.

Отъ труда рождается здоровье; отъ здоровья спокойствіе, источникъ всѣхъ удовольствій. Онъ не завидовалъ владѣтелямъ земли и не помышлялъ о нихъ; сердце его не мушилось шѣми желаніями, которыя переспаютъ насъ ушѣшащъ въ часы счастья и проходятъ съ минушами наслажденій. . . . Отець добродѣтельный, мать цѣломудренная достачествовали для удовлетворенія попребностей его сердца: онъ любилъ ихъ однихъ, и любилъ отъ самаго своего младенчества.

Въ немъ заключалось все попомство четы невинной.

Никакой оракуль не возвѣстилъ будущей судьбы его; никакихъ чудесныхъ событій не свершилось надъ его колыбелю. Вы угадываете напередъ всѣ обстоятельство рожденія Эвина: воспорги отъ

ца и нѣжныя попеченія матери; молишвы, произнесенныя присутствующими, о низпосланіи младенцу счастья, ума и добродѣтели, и цѣлый лѣтній день, проведенный въ покоѣ и радости.

Эдвинъ не былъ однако же ребенкомъ обыкновеннымъ. Глаза его часто казались опягченными глубокою думою; онъ пренебрегалъ игрушки своего возраста и находилъ удовольствіе въ одной только маленькой свирѣли, грубо выдѣланной; онъ былъ чувствительнѣе, хотя дикъ, и молчалъ, когда ничто не возмущало его спокойствія; его видѣли попеременно исполненнымъ шо радости, шо печали; но причины всегда оставались неизвѣстными. Сосѣды, посмапривая на него, вздыхали и удивлялись; однако всѣ въ душѣ своей благословляли ребенка. Однимъ онъ казался чудеснаго разума, другіе считали его безсмысленнымъ.

Но зачѣмъ мнѣ говорить объ играхъ дѣшсва? Онъ не присоединялся никогда къ шумной толпѣ юныхъ своихъ поварихъ; онъ любилъ углубляться одинъ въ чашу лѣса, или блуждать на уединенномъ

скалъ горы. Часпо извилены дикаго ручья приводили его шаги къ незнаемымъ рощамъ. Иногда вы видите его спускающимся въ пропасти, надъ коими свѣшивающся съ высотъ древнія сосны; иногда онъ взбирается на крупныя скалы, гдѣ сверкающій пошокъ падаетъ съ утеса на утесъ, гдѣ воды, лѣса и вѣтры сливаютъ вмѣстѣ шумъ свой въ одинъ необъятный хоръ, который усиливается еще болѣе отъ гуловъ эха и возносятся къ самому небу.

Когда утренняя заря начинаетъ бѣлится шуманный воздухъ, Эдвинъ, сидя на холмѣ, созерцаетъ вдали облака, подернушыя пурпуромъ, лазуревый океанъ, сѣрыя горы, озеро, которое свѣпится слабо за дымными кустами, и пространную долину, лежащую къ западу, гдѣ день беретъ еще съ тѣнями ночи.

Часпо во время осеннихъ шумановъ онъ всходишь на высокіе верхи горъ. Тамъ (удовольствіе спрашное и непоняшное!), стоя на концѣ утеса какъ машрось, спасшійся отъ кораблекрушенія на берегу пустынномъ, онъ любить смо-

шрѣть, какъ пары, свершываясь въ воздухѣ большими глыбами, плянулся по горизонту длиною полосою и попомъ исчезающъ въ заливѣ, или ступающа около горъ. На сей высотѣ, изъ-подъ ужасныхъ пропастей, достигающъ вдругъ до уха его голосъ пастушки и бляніе спады, падающа въ долину.

Сей удивительный ребенокъ любилъ съ равною снрасною явленія пріятныя и спрашныя. Онъ находилъ сполько же наслажденія въ ночныхъ мракахъ и въ бурѣ, какъ и въ ушреннемъ лучѣ солнца, когда яркой блескъ его разольетса на спокойномъ океанѣ. Такое разположеніе души къ печальнымъ ощущеніямъ дѣлало его соспрадапельнымъ къ несчастіямъ людей. Если вздохъ вырывался иногда изъ груди его, или слеза жалости текла по его ланишамъ, онъ не спарался удерживать ни вздоха споль нѣжнаго, ни слезы споль оспрадной.

„Дикія дубравы, куда исчезла ваша зелень (шакъ муза передаетъ намъ юныя мысли его)? Тихія долины, гдѣ шеперь ваши цвѣшны и ваше благоуханіе, кошо-

рыми сполько услаждались мы въ жаркіе часы дня? Зачѣмъ пернатые ваши обитатели покинули свои жилища? Ихъ пѣнія не слышно: вѣтеръ свиститъ уныло въ пожелтѣлой травѣ и гонитъ передъ собою засохшія листья.

„Такъ все проходишь на землѣ! Такъ цвѣтешь и увядаешь человѣкъ величественный! На быстромъ и молчаливомъ крылѣ времени несущися къ намъ сшарость и зима: скоро блекнушь цвѣты, скоро блекнушь и наши молодые годы!

„Плачьше же о своемъ жребіи, плачьше вы всѣ, кои привыкли пресмыкаться съ своими грубыми надеждами въ семь шемномъ обиталищѣ! Но душа возвышенная, коюрая смотритъ за предѣлы гроба, усмѣхаешся слабостямъ челоуѣческимъ и дивишся слезамъ вашимъ. Развѣ весна не придетъ оживитъ снова этой оцвѣтшей природы? Развѣ солнце нашло для себя вѣчное жилище въ пространнхъ зыблехъ запада! Нѣтъ: скоро загоритесь досщокъ новыми огнями; скоро весна возвратитъ зелень роцамъ и тшицы наполнитъ ихъ своимъ согласнымъ пѣніемъ.

„И мнѣ ли оспашься забытымъ въ прахъ, когда благодѣтельное провидѣніе даруетъ новую жизнь цвѣпамъ! Можешь ли быть, чтобы голосъ природы, для одного человѣка не правосудный, осудилъ его погибнуть, въ то время, какъ повѣлываетъ ему надѣяться! Удалишься отъ меня сіи мысли: придетъ безсмертная весна небесная и мужественная красота человѣка разцвѣтеть снова!“

Эдвинъ научился симъ высокимъ истинамъ отъ набожнаго родителя своего. Между тѣмъ эпопѣя романической ребенокъ оставалась убѣжище, въ кошоромъ онъ укрывался во время быстрыхъ потоковъ теплаго дождя лѣшняго. Промчалось облако бури, и освѣжившійся воздухъ наполнился благоуханными испареніями. Освѣщенная лучами заходящаго солнца радуга заблещала на шемномъ востокѣ и пропаянула широкую полосу свою по своду небесному. Юный безумецъ, не уже ли тебѣ мнится, что ты доспашешь это знаменіе славы? Какъ напрасень бѣгъ, кошорому преданъ ты въ пылкомъ швоемъ стремленіи! Блещящее видѣніе удалеши

опъ тебѣ по мѣрѣ, какъ ты къ нему приближаешься. Ахъ, если бь можно было тебѣ вѣдать, что такъ бываетъ съ нами въ молодости нашей, когда мы бѣжимъ за химерами жизни! Пусть эта эмблема обманутаго упованія послужитъ нѣкогда къ умѣренію твоихъ спраспей и успокоитъ твою горестъ, если обѣщанія души твоей не будутъ исполнены. Но за чѣмъ огорчатъ сердце твое печальнымъ предвѣдѣніемъ? Погибай эта суетная мудрость, которая испребляетъ въ насъ юныя желанія! Преслѣдуй, любезное дитя, преслѣдуй свое лучезарное свѣшило, предайся мечтамъ и надеждамъ: скоро, увь, надежды и мечтаны исчезнутъ опъ тебѣ сами собою.

Коль скоро вечерній колоколь началъ раздаваться въ воздухѣ, и пустынный въперъ разносилъ по окрестности просяжные споны его, молодой Эдвинъ покидалъ шопчасъ опцовскую хижину, и направляя медленные шаги свои въ уединенную долину, вслушивался внимательнo въ каждый шорохъ. Ему казалось, что онъ видитъ вокругъ себя погребальные

лики, блѣдныя шѣни, усопшихъ привидѣнiя, гремящiя цѣплями и закупанныя въ длинныя покрывала: но вскорѣ весь эпопшъ шумъ смерши исчезалъ въ заунывномъ крикѣ совы, или въ забыванiяхъ ночнаго вѣпра, копорый по временамъ колебалъ вешхiя главы приходской церкви.

Когда багровая луна, свершивъ свое ночное шесшвiе, опускалась въ море меланхолическое и мрачное; тогда Эдвинъ усшремлялся ошыскивать берега шѣхъ не знаемыхъ испочниковъ, къ копорымъ соби- рались опкрывать свои засѣданiя маги времяъ прошекшихъ. Тамъ часто сонъ смѣжалъ очи его и приносилъ ему разныя видѣнiя. Сперва дикой вѣшерокъ про- лешалъ со свиспомъ надъ его головою; попомъ множество свѣпильниковъ, заж- женныхъ мгновенно невидимымъ пламе- немъ, появлялось на темной завѣсѣ но- чи.

Вдругъ, въ одинъ изъ эшихъ сновъ, воздвигается передъ Эдвиномъ замокъ, надъ преддверiемъ коего изображены гер- бы. Труба прозвучала, подъемой мостъ опускается, и изъ гопического зданiя вы-

Ходящъ воины съ зелеными шлемами; въ рукахъ ихъ свѣпящя золотые щипы и алмазныя копья. Взглядъ ихъ привѣпливъ; ихъ поступъ отважна. Посреди рыцарей идущъ почтенные шрубадуры въ длинныхъ одеждахъ и оживляющъ согласнымъ надуваніемъ военный рожокъ. Съ другой стороны, изъ-за миршовыхъ кустовъ, при боѣ лишавровъ и пѣни пѣсень, появляющя прелестныя дамы; воины оставляющъ свои копья и щипы и начинающъ пляску подъ шумъ живой и веселой музыки. Они соединяющя въ одинъ кружокъ, разходящя, бѣгутъ врознь, сближающя снова и представляющъ глазамъ движущійся лабиринтъ, котораго выходы измѣняющя безпрестанно: лѣсъ освѣщаешя далеко отъ блеска пламенниковъ и отъ сіянія золоша и драгоценныхъ камней.

Сонъ исчезъ. Пробужденный вмѣстѣ съ авророю Эдвинъ открываешъ свои очарованные глаза, чшобъ насладишя пріятными явленіями упра. Съ каждымъ навѣваніемъ долепаешъ до него тысяча сладосшныхъ звуковъ; онъ слышишъ блѣ-

жніе еспады, брицаніе колокольчика на шеѣ овечки, жужжаніе вьющейся пчелы; сельской рожокъ раздаеся между горами и смѣшивается съ глухимъ шумомъ отдаденнаго океана, съ плескомъ волнь, дробящихся о крушой берегъ.

Сторожевой пѣсь хижини лаесть на проходящаго спранника; молошница, несъ на головѣ сосудъ, поесть пѣсню и спускаеся съ пригорка; земледѣлецъ проходитъ насвистывая по вспаханымъ браздамъ своего поля; шажелая шѣлега со скрипомъ вздымаеся на высокую гору; испуганный заяцъ выбѣгаесть изъ зыблющихся колосьевъ; лѣсная куропапка взлѣтаеся вверху на шумномъ крылѣ своемъ; дикая горлица испускаесть жалобныя стоны на уединенномъ деревѣ, и веселой жаворонокъ щебечеть въ высоту воздушной.

О природа, какъ прелести твои восхищительны! Ты доставляеешь своимъ обожателямъ всегда новыя наслажденія. Зачѣмъ я не имѣю голоса и воспорговъ серафима, чптобы воспѣть славу твою съ набожною любовію!

Привѣтствую васъ, ученые наславники лиры, поэмы, дѣши природы, друзья испины и челоуѣчества! Ваши ошцы, исполненные высочайшей сладости, плѣняли меня въ дѣшшвѣ и образовали мою юность.

Къ сожалѣнію, сокрытый въ мѣспахъ неизвѣстныхъ, бѣдный Эдвинъ не получилъ понятія о вашей наукѣ. Когда зима мяпелицы засыпала дверь его хижины; тогда только случалось ему слушать пѣсни нѣсколькихъ спранствующихъ трубадуровъ, воспѣвавшихъ подвиги рыцарства, или повторявшихъ известную балладу о двоихъ дѣшахъ, покинутыхъ въ лѣсу.

Проливая слезы умиленія во время сего шрогашельнаго разсказа, Эдвинъ удивлялся чудесному дѣйствію музыки. Между пѣмъ упихла буря, и онъ направилъ слѣды свои въ однообразную степь снѣговъ: тамъ онъ разсмашриваетъ облака, копорья, подобно высокимъ кораблямъ, качающа надъ волнами океана и несущая къ синему горизонту; тамъ открываются ему безпрестанно новыя явленія:

Вднимъ взглядомъ онъ обозрѣваетъ рѣки, пропащи, гигантскіе утесы, наростшіе одинъ на другой, и башни, висяція надъ башнями.

Въ это время юный энтузіастъ съдуесть по песчаному берегу, и съ удовольствіемъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ, вслушивается въ шумъ, капающихъ волнъ. Такъ въ лѣтнюю пору, когда облако грозы подымается чернымъ столбомъ надъ вершиною холмовъ, Эдвинъ свѣщивъ оспавишь жилище челоуѣка; такъ онъ успремляется одинъ въ пустыню, чшобъ насладиться первымъ блескомъ молніи и первымъ спухомъ грома, раздающимся по небесному своду.

Когда сельскіе юноши забавляются пляскою подъ звукъ свирѣли, Эдвинъ, сидя въ опдаленіи ошъ нихъ, слушаетъ музыку, и предается съ пріятностію своимъ мечпаніямъ. Какъ въ эшу минушу всѣ ихъ шумныя игры кажутся ему ничтожными и скучными! Небесная задумчивость, чшо значатъ передъ шобою эщи просныя людскія увеселенія!

Есть ли сердце, котораго музыка не

спрагаешъ? Какъ это сердце должно быть безчувственно и жестоко! Есть ли сердце, которое не ощущало въ себя никогда сихъ таинственныхъ воспорговъ, дѣшею единенія и мечтательности? Оно не должно знакомиться съ музами: музы не примуть его объшовъ. Эдвинъ не былъ шаковъ. Пѣнне составляло первѣйшее его удовольствіе; часто горная арфа издавала свои вздохи подь бродящими перстами его, и жалобная флейта отзывалась шоскливо на легкое его дыханіе. Его дѣлствующей музъ не была еще извѣстна наука спихошворства, плодъ шруда и времени. Эдвинъ достигъ однако въ послѣдствіи и до сего рѣдкаго совершенства, и я расскажу вамъ, какъ это случилось.

(Оканганіе впередъ).

~ ~ ~ ~ ~

П О Э З И Я.

~~~~~

РОКОВЫЕ ОБЪТЫ.

~~~~~

Огни ночные поблѣднѣли,
Ночное небо прошекло,
И въ Рускомъ лагерѣ свѣшло. . .
Ужь солнце высоко взошло;
А Рускіе еще сидѣли
На мокромъ полѣ у огней . . .
Уже заваривали *каши*,
На водопой вели коней,
И разговаривали наши
О крѣпкихъ сшибкахъ прошлыхъ дней.
И говорилъ одинъ: „ я видѣлъ,
Въ дремѣ ночной мелькнулъ мнѣ сонъ,
Что больно нашу Русь обидѣлъ
Съ своей ордой *Наполеонъ*;
Что будшо онъ съ Смоленскихъ башень

И съ храмовъ Божьихъ сбиль главы,
 И, не щадя ни сель, ни пашень,
 Все жегъ и рѣзалъ до Москвы;
 И на пуши за Драгобужемъ
 Враги сожгли мое село,
 Мою сеспру убили съ мужемъ,
 Отца и мать . . . и бысіпро шло
 Ихъ войско саранчой сердиной . . .
 Но, брашцы, вопъ вамъ мой *обѣтъ*:
 Мое все въ прахъ . . . и самъ, избитой
 Въ разсвѣщѣ пылкихъ, свѣжихъ лѣтъ,
 Пусшь другъ вашъ мершвецомъ соплѣшь,
 Будь полько наша Русь цѣла! " . . .
 „И мой господской домъ свѣшлѣшь
 Среди широкаго села;
 Тамъ молодость моя цвѣла
 И молодую шамъ лелѣшь
 Мою жену спарушка мать;
 И у крыльца въ Москву жь дорога:
 Длинна, какъ змѣй, Французовъ рашъ,
 Доспигнешъ и тудя шревога . . .
 Но будь надъ всѣмъ десница Бога,
 Стори родимый мой *Можайскѣ*:
 Опчизнѣ лишъ хочу покою!" . . .
 „Ахъ, брашцы, городъ нашъ *Зарайскѣ*,
 Красивъ надъ свѣшлою рѣкою;
 И съ полноводною *Окою*
 Мой домикъ давній былъ сосѣдъ:
 Какъ хорошо нашъ край цвѣшешъ!"

И, лѣвою взмахнувъ рукою,
 Въ бою безъ правой спавъ руки,
 Такъ Руской дворянинъ съ *Оки*
 Приспалъ къ поварищамъ подъ рѣчь:
 „Я не богашъ, но сышо жилъ;
 Еще опца не схоронилъ;
 Старикъ мой былъ на Прагской сѣчи . . .
 Я дѣвушку душой любилъ:
 Мы обручилися съ прекрасной
 (Врагъ руку взялъ съ ея кольцомъ);
 Ужь я пылалъ надеждой спраспной . . .
 Но вдругъ, Указъ пришелъ съ гонцомъ,
 Чшо *Неманъ* перешли Французы:
 Я бросилъ милую спрану
 И сладкія для сердца узы
 И на почшовыхъ на войну. . .
 Теперь . . . чшобъ миѣ невспашъ шупъ съ мѣ-
спна . . .

Пустьъ все . . . и милая невѣсша . . .
 Погибни и моя глава,
 Лишь полько бѣ Русь была жива!“
 Такъ вы вѣщали межъ собою,
 И кто-то слушалъ вашъ обѣщъ. —
 Увы, прехъ юношей ужъ вѣщъ:
 Но Русь свяшая не рабою!
 Сбылось желаніе души:
 Какъ сонъ — и полчища, и силы!
 Врагу ни поля, ни могилы!
 Онъ сгидлъ у насъ въ лѣсной глуши . . .

За Рейномъ пировали мы же!
И, славой разбудя молву,
Опьемши славно за *Москву*
Пощадой крошккою въ *Парижѣ*.

Н А У К И.

Р А З С У Ж Д Е Н І Е

● ВАЖНОСТИ ЦѢЛИ ИЗЯЦНЫХЪ ИСКУСТВЪ.

„ Но чтобы въчисти въ безмерный храмъ
войши,

„ Талантъ единый слабъ къ свершенію пуши,

„ Когда не озаренъ пространнымъ просвѣщеніемъ.

„ Гордись однимъ собой, гнушася ученіемъ

„ И самолюбіемъ навѣки ослѣпленъ,

„ Онъ въ дикости своей пребудеть укрѣпленъ.

„ Невиденъ въ грубости небесный оный пламень:

„ И самъ алмазъ въ корѣ естъ пошлъ же дикій камень.

Княжнинъ.

Чувствительность естъ пружина, шворящая искусства, а любовь и уваженіе дарованій суть ключи успѣха изящности оныхъ.

Въ древности младенчествовавшие въ понятіяхъ народы, въ воспорагахъ своей невинности, дерзали прикасаться къ искусвамъ: вопервыхъ для изьявленія чувствованій благодарности непосредственному шворцу вселенной. Они въ изображеніяхъ: благодѣтельнаго божества сперва выражались эмблематически (а), попомъ

(а) Люди сначала никакъ не изображали шворца, а только воспѣвали его благость. Попомъ, въ его швореніи чувствуя пользу физическихъ явленій, и не проникая въ глубину истины, пади предъ оными, и вопъ начало идолопоклонства, сперва солнцу; а попомъ, когда уже идеальствующая позія все одушевила въ природѣ, шо явились и подражательныя искусства, начавшія изображать различныя божества прежде просными камнями, каковыхъ во времена Павзаніевы въ Аркадіи находилось до 30. Юнона шесписка, Діана икарская, Юпитерь сикіонскій, Венера паѳоская, Бахусъ и прочіе были дикіе неопесанные сполбы. Каспоръ и Поллуксъ изображались двумя сполбами съ перекладиною, къ коимъ всѣмъ современемъ начали уже при-

миспически (а). При столь важной цѣли рання сѣмена вкуса производи-ли спранныя мечпы въ чудовищныхъ изображеніяхъ и тогда еще, когда уже у иныхъ народовъ (б) заключалась въ нихъ нѣкошорая замысловапость, во мракѣ воображенія перявпшаяся опѣ свѣшильника, возженнаго филосо-фіею уже юношеспвующей Греи, не отпшупившей опѣ цѣли предшество-вавшихъ народовъ, но еще болѣе возвы-сившей оную избраніемъ изъ природы прекрасныхъ законовъ, приличныхъ той цѣли, и предоспаившей искусствамъ все-возможныя средшва, соотвѣшшвенныя имъ. Опѣ эшаго спали бытъ презираемыя

дѣлывашь головы, и изъ таковыхъ-по самыхъ были извѣсны два Юпиера триколонійской и шегеанской.

(а) Планеты, звѣри, пшицы, пресмыкающіяся и распенія, обожаемыя у Египшянъ, пенапы (домашніе боги) у Грековъ, священ-ный огонь у Римлянъ священныя воды и лѣса у Скиеовъ.

(б) У Египшянъ и проч.

фантасмическія мечшы (а) преднесиво-
вавшихъ народовъ, а въ греческихъ изо-
браженіяхъ искусствъ явился дополъ не-
извѣстный идеаль, дия возвышеннаго во-
ображенія и прекрасной природы. Ро-
дась прелестнѣе своей матери, онъ уди-
вилъ умы и плѣнилъ все цвѣтущее че-
ловѣчество, взлелѣвавшее его.

Непоспимое уму смертныхъ, но
величіемъ природы внушенное человѣче-
скому воображенію. божество, а въ его
твореніи польза физическихъ дѣйствій
(б) и различныя качества добродѣтели
(в), кои творецъ одарилъ отличныя
творенія для достиженія безсмертія, воз-
родили мысль въ чувствительныхъ серд-

- (а) Чудовища, составленныя изъ получеловѣка
и полувѣра или полупищицы, со многими
головами, руками и сосцами.
- (б) Свѣтъ и теплоша солнца и огня, прохла-
да и необходимость воды и проч.
- (в) Таковы первые добродѣтели рода человѣ-
ческаго, кои его образовали, издали прили-
чныя законы, обезпечили безопасность и
цеклись о благосостояніи людей.

цахъ, что все сіе достойно поклоненія, и требовали для нихъ исшукановъ и храмовъ. Всѣ народы удовлетворялись ими безъ разбора. Но греческая разборчивость вкуса слабые шруды почла недостойными такого дерзновенія; обыкновенныя дарованія также не могли удовлетворять жадности ихъ любопытства, до шѣхъ поръ, какъ явились отличные гени и такъ вознесли идеаль (а), что и хладныя

(а) Омеръ, Гезіодъ, Фидіасъ, Пелігнопъ были отличные идеалисты, увлекавшіе за собою прочихъ. Величайшіе метафизики, каковъ Пиеягоръ, Сократъ и Платонъ, внушали искусствамъ идеаль гораздо еще высшій; но имъ не внимали и не слѣдовали идолопоклонники. Платонъ, можетъ быть, былъ высочайшей мудрости Сократа, презиравшаго идолослуженіе, унижавшее величіе творца вселенной, вдохновенъ былъ высочайшими идеями о божествѣ; поному что онъ и идеаль самаго Омера почиталъ еще низкимъ, недостойнымъ философіи. Человѣкъ возвысилъ до божества: конечно ашо что что высокое и въ самомъ

сердца философовъ разпаяли предъ образъ

даже идеаль; но древніе язычники и самъ Омеръ унижали и боговъ своихъ до страстей и слабостейъ человеческихъ. Это уже не идеаль, но почти даже мечта, которая у Египтянъ наряжала божества въ различныя безобразныя маски, надъ коими смѣялся зрѣлый вкусъ Греціи. Сожалѣнія достойно, что никто изъ художниковъ не остановился на столь важномъ пунктѣ, который возвышаетъ Платона надъ всѣми языческими мѣтафизиками и художниками идеалистами. И такъ, если сравнимъ съ собою противоположныя крайности Омерова идеала, возвышавшаго человечество до величія, свойственнаго божеству, и унижавшаго безсмертныхъ до порочности, приличной только слабымъ смертнымъ, съ идеаломъ Фидіасовымъ, также возносившимъ смертныхъ, но никогда не дерзнувшимъ и въ эмблематическихъ смыслахъ, выражать божество иначе, какъ характеризуетъ его высшими понятиями душевныхъ силъ, по естеству, порожественнымъ спокойствіемъ духа, непоколебимаго ни страстію, ни слабостію, свойственными человечеству, и съ идеаломъ Полигнозовымъ, возносив-

новыми произведениями (а) пламенного пера, рвѣца и кисти.

Тогда возспональ воздухъ на олимпійскихъ и прочихъ играхъ Греціи опъ неумолкаемаго всенароднаго рукоплесканія, опъ воспорговъ, производимыхъ всѣми искусствами, соперничеспвовавшими между собою при увѣнчаніи лаврами ихъ геніевъ (б).

шимъ качества и добродѣтели человѣчскія до непоспжимой степени совершенства; но должно безъ приспраспья сознаться, что идеализмъ Фидіасовъ и Полигнотовъ превосходитъ Омерова, Гезіодова и всѣхъ прочихъ языческихъ идеалистовъ, не взирая на то, что поэзія имѣетъ возможность идеальспвовать гораздо неограниченнѣе скульптуры и живописи.

(а) Такова Омерова: Иліада, Юпитеръ и Минерва Фидіасовы и Елена Полигнотова.

(б) Исторія упоминаетъ, что художества, зависящія опъ воображенія, особенно опредѣлены были у Грековъ къ украшенію храмовъ и праздествъ, также къ пропавленію достопамятныхъ подзиговъ и именъ побѣдителей на шоржеспвенныхъ играхъ

Тамъ-шо поэзія, неразлучная еще съ музыкою и пѣніемъ, воспѣвала вдохновенныя гимны и торжественно возвѣщала

Греціи. Художники, какъ раздаватели славы, въ копорой сами участвовали, имѣли шамъ множество случаевъ къ своему упражненію. Народъ судилъ о силѣ государствъ по ихъ великолѣпію, и отъ сего происходило почтеніе къ отличнѣйшимъ художникамъ, изъ коихъ многіе работали безвозмѣдно и имъ назначены были почести; другіе обогащались, либо обучая другихъ, либо пребуя плашны отъ приходившихъ удивлявшихся ихъ искуснѣйшимъ рукотвореніямъ. Нѣкоторые, возгордятся общимъ одобреніемъ, не стыдились надписывать на своихъ изображеніяхъ: „легче будетъ судить о нихъ, нежели подражать имъ“, Зевксисъ приобрѣлъ себѣ шакое богатство, что, къ концу жизни дарилъ свои картины подъ видомъ, будто нікто не въ состояніи за нихъ заплатить. Парразій шакъ много мечталъ о себѣ, что починялъ себя происшедшимъ отъ боговъ. Къ упоенію ихъ гордости присовокуплялось упоеніе народнаго удивленія.

неподражаемые подвиги героевъ, прославляла изобрѣшенія и успѣхи наукъ и искусствъ, всѣ развишія человѣческихъ способностей и всѣ примѣрные добродѣтели, достойныя подражанія. Скульптура съ пою же цѣлю предшавляла на судъ Греціи пластическія изображенія, живопись опическія, архитектура шщилась воздвигашъ достойныя капища богамъ и героямъ, самое искусство шанцованія съ хорнымъ пѣніемъ и музыкою, входя въ обряды ихъ жертвоприношеній, во всѣхъ его движеніяхъ и дѣйствіяхъ, должно спвовало сохраняшъ всю важность, достойную изящныхъ искусствъ, театральное искусство своимъ разположеніемъ кар-

---

Ажны были обипалищемъ дароваій; богатство ихъ приводило въ состояніе упошрбляшъ, а просвѣщеніе цѣнишъ ихъ; блескъ празднесшъ, кропосшъ законовъ, число и обходшшельное свойство жшшелей довольнымъ могли бышъ побужденіемъ къ удержанію въ нѣдрахъ ихъ людей, жаждущихъ славы, и коимъ надобно было имѣшъ зрѣлище соперниковъ и судей.

пинъ, характерами дѣйствующихъ лицъ, движеніями, дѣйствіями и произгласеніемъ достигало образцоваго превосходства, садовое искусство, славившееся прежде у Вавилонянъ, въ Греціи также достигло превосходства: степень его вкуса доказывалась размѣщеніемъ искусственныхъ произведеній въ мѣстахъ (а), назначенныхъ для всенародныхъ празднествъ и прогулки, и даже выборомъ мѣстоположеній, пому приличныхъ.

Греки, не довольствуясь искусствами идеальными, подражательными и произвольными, старались и самыя ремесла возвысить до искусства: шаковы украшательныя искусства, зависящія отъ произвола, смѣшеннаго съ подражаніемъ; шупъ фантасматическія мечпы имѣютъ свое мѣсто и даже составляютъ особенную красоту сего искусства, споящаго въ серединѣ между искусствами и ремеслами, и отъ степени вкуса зависить ему достигать до красоты искусства и унижаться до ремесла, въ собственномъ его смыслѣ (б).

(а) Въ Дельфахъ, Олимпіи и проч.

(б) Вошь причина, по чему греческая мебель,

И такъ безпримѣрные успѣхи всѣхъ искусствъ обязаны безприсраспному о-
бодренію (а) блистательныхъ общена-
родныхъ собраній всей Греціи посред-

посуда, оружіе, экипажи, суда оспались
навсегда въ неизмѣнной модѣ у всѣхъ
народовъ, во всѣхъ образованныхъ вѣкахъ!

Греки, удовлетворя зрѣнію, слуху и
осязанію, любили угождать также вку-
су (вкушенію) и обонянію, но поваренное
искусство, со всѣми благоуханіямъ аромашъ,
походило болѣе на науку, нежели на ис-
кусство: самые отличные врачи и фи-
лософы обращали свою ученость на ихъ
распоряженіе, чѣобы самая пріятность
яспвъ сопряжена была съ большею си-
лою, дѣйствующею на здравіе такъ, чѣо
и насыщенія ихъ были не чѣо иное, какъ
лѣкаршва, но самыя легкія и пріят-
ныя.

(а) Древніе не щадили никакихъ сокровищъ для
награды великихъ художниковъ. Плиній
говоритъ, чѣо иногда богатства цѣлаго
города недоспавало на покупку одной кар-
тины, или статуи. Никомедъ Филопа-
торъ хотѣлъ заплашши несчетныя дол-
ги Кидіанъ, чѣобъ онъ ему шолько ушу-

*

спвомъ коихъ они возбуждали духъ народный, возвышали его къ различнымъ подвигамъ, направляли къ добродѣтели (а), къ любви ошечества и уваженію дарованій каждаго.

Тогда съ Парнаса щедро сыпались вѣнцы на главы оказывавшихъ услуги роду человѣческому и опличавшихся въ различныхъ родахъ общепользныхъ упражненій (б). А для возвышенія цѣли подража-

---

нили Праксипелеву Венеру. Димитрій Полиоркетъ лучше хотѣлъ оставить осаду города Родоса, нежели сечь его; попому, что тамъ находилась картина Протогеновой работы. Птоломей Сотеръ осадилъ городъ Сикіонъ; начальникъ города предложилъ ему картины Памфила и Меланпа: онъ, принявъ ихъ, освободилъ городъ и наградилъ живописцевъ золотомъ.

- (а) Аристоклель говорилъ, что искусство образующее нравы крошчайшимъ и удобнѣйшимъ образомъ, нежели философы, и что бываютъ картины и статуи, кои также могутъ исправлять пороки, какъ и всѣ правила нравоченія исцѣбляютъ ихъ.
- (б) У Грековъ художества входили въ нѣкоторой родъ богослужебныхъ обрядовъ: въ

тельно идеальствующихъ искусствъ жертвовали также вѣнцами для обоого пола и пѣхъ людей, между немѣвщими никакихъ дарованій, ни заслугъ, кои наружною красотою формъ и пропорцій опличались между прекраснымъ челоѳчесствомъ. Они леспно были награждаемы въ Греціи (а) для поощреній, чшобы не скры-

---

народныхъ льшопислхъ сохраняли имена славныхъ художниковъ; имъ воздвигали монументы, и въ городѣ Родосѣ посвящены имъ были храмы. Рабамъ запрещено было занимашься изящными искусствами. Древніе художники были большею часпію изъ числа знаменипѣйшихъ особъ. Тиматоръ Халкидонскій, великій вождь во время Писійскихъ игръ, въ Дельфскомъ живописномъ преніи получилъ преимущественную награду предъ соперникомъ своимъ Паниніемъ, братомъ Фидіасовымъ. Семиспокла порицали за шо, что онъ пренебрегалъ лиру, и Эпаминондъ заслужилъ похвалу за упражненіе въ музыкѣ

(а) Въ Спартѣ и Лесбосѣ въ храмахъ, посвященныхъ Юнонѣ, бывали даже учреждены общенародныя сходбища для полученія награды преимущественной красощъ. Платонъ,

вались отъ взоровъ ихъ скульпторовъ (а) и живописцевъ, кои, должешествовавъ изображашъ божества и героевъ, могли бы выбирать изъ законовъ природы отличительные образцы, что и было пошомъ причиною изъ сравненій искусственныхъ произведеній познанія очевиднаго заблужденія предшествовавшихъ народовъ (б). У Грековъ же сообразно важной цѣли въ избираемыхъ предметахъ не только всѣ изображаемыя лица, но и всѣ вещи, къ нимъ принадлежащія, отъ самой ничтожной до самой опличной, всѣ украшенія: мебель, посуда, экипажи, оружіе и

Философъ воздержный, проповѣдывающій обуздываніе человѣческихъ страстей, и шомъ даже самъ съ восторгомъ говоритъ о красотѣ Хармиды.

- (а) Праксипель, производя статуи богини Любви, для образцовъ имѣлъ при себѣ дѣвицъ, выбранныхъ изъ всей Греціи, и четыре царицы находились между ними.
- (б) У Вавилонянъ, Египтянъ и Эршурянъ въ искусственныхъ произведеніяхъ находившіяся неестественныя, уродливыя, безобразныя чудовища.

все прочее даже въ ремеслахъ (а), спало бытъ производимо ошборно, пльни шельно, прекрасно. И ошь шой высокой цъли, усшремленной къ избранію шолько ошличнаго изъ прекрасной природы, при найденныхъ испинныхъ законахъ и умшвенныхъ ередсшвахъ, при споль благопріятныхъ обшояшельсшвахъ, до шакаго спешени упончился и очішвился шогда вкусъ, что непрекрасное или обшкновенное, просто взяное и выбранное изъ природы, почишалось уже недосшойнымъ бытъ помъщаемо въ искусстввахъ (б). Какъ разногласіе музыки прошивно бываетъ для слуха каждаго, шакъ для

(а) Гробницы, колесницы, лашы, мечи, щипы, шлемы, сполы, спулья, канделабры, лампады, вазы и даже гири на вѣсахъ и проч.

(б) Зевксисъ изобразилъ одну шолько Элену и шогда, когда ему препоручено было предсшавишь и судей, предъ ней сидящихъ. Когда же вопрошали его, почему онъ шо-го не исполнилъ, шо онъ ошвѣчалъ, что все его вниманіе было обращено на вмѣщеніе всевозможныхъ красошъ идеала въ

взора, слуха и осязанія Грека содѣлались опврапительными всякая дурная форма, нестройная пропорція и непріятное дѣйствіе даже и самой налуры (а); съ того-

---

преlestи одной только Элены; впрочемъ онъ желалъ, чтобъ въ самыхъ зрительяхъ находили впечатлѣнія, произведенныя ею, каковыя они ожидали, видѣвъ на его картинѣ судей, пораженныхъ красою Элены.

(а) Во время лучшей эпохи греческаго просвѣщенія и зрѣлости вкуса закономъ запрещалось женщинамъ находиться при похоронныхъ обрядахъ, не закрывши своего лица, для того, что онѣ, будучи не въ состояніи удержаться отъ горести, могли бы нарушить красоты, коими споль оплично одарены отъ природы и должны сповали служить примѣрными образцами плѣнительнымъ искусствамъ.

Тимантъ, во время жершвоприношенія Ифигеніи, изобразилъ отца ея Агамемнона закрывавшимъ лице свое; вся Греція съ восторгомъ одобрила это. И кто не согласился съ нею? Да и возможно ли человѣку не поколебаться духомъ при споль безчеловѣческой жершвѣ, шой,

по времени пѣвнишельныя искусства со-
дѣлались доспойными единоголаснаго наи-
менованія изящныхъ.

чья кровь упоплещь его сердце? Но и прилично ли явишь слабость духа тому, кошорый избранъ вождемъ надъ столь многочисленными войсками и царями для свершенія важнаго предпріянія, и кошорый долженствоваль подавашь примѣръ покорности судьбамъ? А Вольшеръ рѣшительно вздумаль осуждашь за всю Грецію. Но если бь онъ имѣль сердце почувсвишельнѣе и вникнулъ бы, что въ шѣхъ вѣкахъ люди еще не умѣли пришворяшься, а опкровенно изъявляли свои сердечныя чувсшвованія; тогда бы и онъ согласился съ Греціею, что Агамемнону ничего не было приличнѣе и въ самой напурѣ, при шаковой сценѣ, какъ закрышь свое лице шакъ, какъ изобразиль его живописецъ на своей каршинѣ, не обезобразивъ красоны напуры и искусства и сохранивъ все приличіе и истину. Вошь художникъ, глубоко проникшій въ душу и сердце челоѣческое, и превосходно посшигшій цѣль изящныхъ искусствъ!

Но по мѣрѣ, какъ непорочность нравовъ начала измѣняться, то съ распространеніемъ греческихъ завоеваній и развраща размножились и различныя прихоти, появилась зависть, возжегшая междоусобныя ссоры, утасла любовь къ отечеству, исчезло повиновеніе къ законамъ и уваженіе къ достоинствамъ. Эгоизмъ началъ наслаждаться безъ всякихъ границъ и мѣры, поколебалась и цѣль (а) изящныхъ искусствъ, пошатнулись основанія греческихъ царствъ и уклонились къ паденію, а съ ними и искусства по прихотямъ вкуса впадали въ различныя пороки.

(а) Скульпторъ Калликратъ говорилъ, что подражательныя искусства изображаютъ нравы людей, что и весьма справедливо. Взгляните только на цѣль искусствъ народа, то ясно увидите и его душу, которая иначе изъясняется въ непорочности нравовъ, нежели во время развраща. Разберитесь внимательно остатки искусствъ какого либо древнѣйшаго народа: въ нихъ прочтете всю его историю, потому что, весь духъ, всѣ мысли и чувства его непритворно вмѣщены въ ихъ выраженіи,

Въ такой степени получили, ихъ Римляне, завоевавъ Грецію (б); но безчувственность и жестокость ихъ сердце подвергла и цѣль искусствъ подъ иго властолюбія, въ гордоспи мечшавшаго о себѣ до безумія (в) и возжелавшаго своими изображеніями (г) ужасать угнѣшен-

-
- (б) Какъ искусства начали упадать въ Греціи, то нѣкоторые изъ нихъ перешли къ Селевкидамъ и Египтянамъ, а потомъ всѣ переселились къ Римлянамъ въ то время, когда уже они при концѣ республики содѣлались гордыми и алчными грабителями вселенной; до того же, во время республики и древнихъ царей, для Римлянъ все работали эрнурскіе художники.
- (в) Въ Римѣ и по сіе время еще не спершы надписи богу шакому-то, или богинѣ шакой-то, то естъ какому либо Римлянину или Римлянкѣ, написанныя съ наружности храмовъ и прочихъ памяшниковъ, имъ посвященныхъ въ то время, когда они въ безуміи щеславія равняли себя съ богами и презирали доброе чловѣчество.
- (г) Колоссальныя сшашуи, бюспы, изъ драгоценныхъ металловъ и мраморовъ производимыя.

ное челоѵчештво, а памяшниками (д) и-
зумлять попомештво. Тогда собранныя бо-
ганештва изъ всѣхъ ограбленныхъ ими
царешствъ сыпались на сооружеиіе памяш-
никовъ гордаго Рима, въ копорый для у-
крашенія свозили обелиски, спашуи, жер-
швенники, сосуды и всѣ сокровища безъ
разбора. Греческіе художники, пришедшіе
къ Римлянамъ занимаешься искусствами,
не смѣли не раболѣпештвоваишь ихъ шще-
славію и царештвовавшему шамъ заблу-
жденію вкуса (е), уешпремившася къ ко-
лоссальности. Но изъ всѣхъ шаковыхъ
испукановъ и огромныхъ гордыхъ, пыш-
ныхъ памяшниковъ, воздвигнушыхъ въ
Римѣ, лучшіе были шѣ, кои производили
подвласныи имъ Греки, не державшіе од-

(д) Огромные пышные мавзолеи, храмы, три-
умфальныя вороша, гробницы, колонны
съ спашуями и барельефами, шпрофеи и
проч.

(е) Нерошъ велѣлъ вызолошншь и мраморную
спашую Александра великаго шрудовъ
славнаго Лизиппа и шѣмъ крайне ее обе-
зобразилъ. Не доказываетъ ли ешо заблу-
жденія вкуса?

нако жь обнаруживашь ложную цѣль (а), господствовавшую тогда въ искусствѣхъ, изъ коихъ произвольнымъ спали бытъ подчинены подражательныя и идеальствующія, въ противоположность, какъ въ Греціи симъ подчинялись пѣ. Любимыми у Римлянъ изъ искусствъ сдѣлались архитектура и театральное; одно, служив-

(а) Римскіе художники, часто не понимая причинъ, безразсудно подражали греческимъ произведеніямъ, на примѣръ: естъ спашуи пѣхъ вѣковъ, гдѣ почно въ такомъ же положеніи, какъ Венера Праксипелева, сдѣлана какая нибудь безобразная, старая Римлянка въ парикъ своего вѣка, но такъ же вся нагая, какъ и греческая богиня, и пому подобныя заблужденія. Они нерѣдко такъ же изображали юныхъ мущинъ и прелестныхъ дѣвицъ одѣшыми въ платье съ ногъ до головы. Изъ сего видно, сколь они не проникали въ глубину цѣли греческихъ искусствъ, гдѣ всякая красота юности и возмужалости изображалась во всей своей нагошѣ, такъ какъ онѣ выходили изъ рукъ самой природы, и только старость и безобразіе прикрывались одѣяніемъ.

шею ихъ тщеславію, а другое увеселеніямъ. Поэзія также нѣсколько времени служила ихъ честолюбію и занимательности.

Во время лучшей эпохи просвѣщенія и успѣховъ изящныхъ искусствъ въ Римѣ архитектура и поэзія превозходили живопись и скульптуру, а сіи театральное искусство, музыку и пѣніе; но, исключая архитектуру и поэзію, ни одно уже изъ нихъ не имѣло сравненія съ греческими, хотя всѣ они были шѣнь оныхъ, и, не дѣлая большихъ успѣховъ, вскорѣ одно за другимъ уклонились къ совершенному упадку, потому что чѣмъ далѣе, шѣмъ болѣе стали заниматься ими совершенно ремесленнически (б).

(б) Римскіе скульпторы и живописцы между прочимъ также дѣлали множество и копій съ греческихъ произведеній и ими украшали храмы, бани, дворцы и прочія зданія; а скульпторныя мастерскія потомъ простирались на нѣсколько верстъ сряду; на сихъ-то фабрикахъ миліоны колонъ, статуй, бюстовъ, вазъ и гробницъ были произведены совершенно машинально, и они-то послужили въ роскоши уповавшій Римъ предъ его разрушеніемъ.

Римляне, привозя искусственныя произведения изъ завоеванныхъ царствъ, часто у себя помѣщали оныя нехспаши, не умѣща, и, прибавляя къ нимъ не приличныя и не пропорціональныя свои украшения, даже изъ греческихъ храмовъ привозимыя образцовыя пропорціями колонны украшивали и употребляли для помѣщенія въ свои капища, попомъ и изъ своихъ прежнихъ памятниковъ часто перемѣщали въ другіе (а), спротившіеся въ послѣдствіи. Въ такомъ-то безпорядкѣ въ римскихъ владѣніяхъ находили искусства Галлы, Гошны и прочіе варвары, а попомъ и Аравитяне, испреблявшіе оставшіяся сокровища искусствъ и просвѣщеніе.

Попомъ, какъ всѣ просвѣщенные на-

-
- (а) На нѣкоторыхъ храмахъ, триумфальныхъ воропахъ и прочихъ зданіяхъ, прежде находившіяся украшения, колонны, барельефы и статуи вынимали и вмѣщали въ спротившіеся послѣ того; даже у иныхъ статуй, произведенныхъ прежде, опламывали головы и вмѣсто оныхъ придѣлывали лица другихъ людей, жившихъ въ послѣдствіи.

роды впали во мракъ невѣжества, по между варварами Арабы первые плѣнились науками и съ жаромъ было-принялись за искусство, но пылкость ихъ воображенія, несоразмѣрная руководству разсудка, явилась въ нихъ дѣйствительности (б).

Въ послѣдствіи въ среднихъ вѣкахъ и прочіе народы, имѣя различныя и противоположныя Аравіянцамъ свойства въ нравахъ, въ искусствахъ же особливо въ архитектурѣ, оказали схожій характеръ, только умноженный простотою мѣлочей въ частяхъ и цѣломъ: спилъ сей вообще именуется готическимъ (в).

(б) Если ихъ поэзія, при всѣхъ своихъ фантастическихъ мечтаніяхъ, по множеству другихъ красотъ, будетъ исключена изъ сего заключенія, за то архитектура со скульптурою и живописью будутъ уже сильнымъ тому доказательствомъ: въ нихъ то безъ всякой цѣли и соображеній, по шажестии помѣщены вверху, по легкости внизу, по мѣлочнымъ частямъ подъ колоссальными архитектурными, скульптурными и живописными украшеніями.

(в) Какъ странно, что необразованность вкуса,

Послѣ крестовыхъ походовъ ободренныя христіане начали сооружать церкви болѣе и болѣе. Тутъ нужда наша себѣ пропитаніе ремеслами искусствъ; а какъ оныхъ часъ отъ часу требовалось болѣе, то между занимавшимися показались и дарованія; и по мѣрѣ, какъ началось возобновляться всеобщее просвѣщеніе, прогонявшее мракъ невѣжества, то появились и успѣхи въ искусствахъ.

изъ видѣннаго превосходнаго и дурнаго въ восточной и западной римской имперіи не могла избрать лучшаго, и стала производить таковыя странности, даже споль однообразно, и въ архитектурѣ такъ, что всѣ зданія, частныя дома, замки, храмы, все имѣло почти одинъ видъ, только сложенный изъ большаго или меньшаго количесва башень, въ рядъ, и и одинъ на другія поставленныхъ и испещренныхъ разнообразно скульптурою и живописью. Иногда и церкви строили на подобіе башень, поставленныхъ одинъ на другія до чрезмѣрной вышоты, куда устремлены были въ то время всѣ мысли и чувсва христіанъ.

Италія, тогда болѣе всѣхъ сохранив-
 шая оспашковъ древнихъ искусственныхъ
 произведеній, скорѣе всѣхъ произвела и
 лучшихъ художниковъ (а), представляя
 имъ множество случаевъ къ занятиямъ.
 Поэзія, восхищенная успѣхами оружія хри-
 стианъ надъ ихъ прилѣснителями, пора-
 зительно воспѣла освобожденіе Іерусали-
 ма. Скульптура къ сожалѣнію въ то время
 оспалась въ пренебреженіи за то, что
 она-то именно болѣе и украшала язы-
 ческіе храмы, а живопись съ величайшимъ
 энтузіазмомъ была принята для украше-
 нія христіанскихъ храмовъ; но какъ къ
 несчастію оныя искусства требовали болѣе

(а) Тамъ основались и различныя школы, сдѣ-
 лавшія попомъ и различныя успѣхи; но
 неполное просвѣщеніе тѣхъ вѣковъ и
 тѣхъ, для коихъ шудились лучшіе худо-
 жники, было причиною, что художества
 тогда соупутствуемы были различными
 предразсудками, а художники не могли
 дѣлать поспешенно поспоянныхъ успѣ-
 ховъ.

количества, нежели качества (б); но не только таланты, но и самые гении того времени оказали больше плодовитости воображения, нежели превосходства в усовершенствовании сочинений, выражении и описаньи; и изъ обширныхъ лучшихъ произведенийъ всѣхъ искусствъ того времени хотя и находишь нѣсколько оригинальнаго, но образцоваго именно нѣтъ ничего. Неполное просвѣщеніе того времени было причиною различныхъ заблужденій талантовъ, кои, бывъ не въ состояніи выбрать изъ природы истинныхъ законовъ, обращались къ остаткамъ древнихъ произведенийъ, и, на нихъ основывая правила, шли рабскимъ путемъ; потомъ явившіеся гении, дерзнувше ошвергнуть пристрастіе къ древности, вдали въ противоположную крайность; но, видя, что простое подражаніе природѣ также не удовлетворяетъ ихъ стремленію, оп-

---

(б) Вошь причины, почему и Рафаэль и Микельанжъ въ своихъ произведеніяхъ были менѣе самихъ себя.

спутили опть законовъ и самой природы (а), выдумали свои ложные правила, но, не взирая на то, увлекли за с бою подражателей, причинившихъ еще болѣе ихъ вреда ходу искусствъ. Такимъ образомъ возрожденныя искусства, неосновательно перенимая то у шѣхъ, то у другихъ своего вѣка и предшествовавшихъ, не имѣя основательныхъ законовъ и нужныхъ средствъ, соотвѣтственныхъ важной цѣли, чрезъ нѣсколько времени смѣшались полугопически и впади въ различныя заблужденія, продолжавшіяся до шѣхъ норъ, какъ въ концѣ прошедшаго столѣ-

---

(а) Михельанжъ вздумалъ поправлять и формы человѣческаго естества, надувая, напыщая, округляя мускулы и коверкая кости, даже на поверхности кожи, выражалъ мускулы у дѣтей, дѣвицъ и женщинъ тогда, когда въ ихъ лѣтахъ сама натура, прикрывая оныя жнормъ, сливаетъ все части на поверхности кожи; и вообще какая-то однообразная суровость влагалась имъ во все лица, находившіяся въ его произведеніяхъ.

тія уже лоній свѣшъ блестящихъ наукъ лучами своими освѣшилъ вкусъ вѣка и всѣ отрасли искусствъ, опъ чего уже совершенно исчезли всѣ оспанки полугошическаго безобразія, не шокмо въ искусстввахъ, но даже въ людскихъ уборахъ, одеждѣ, мѣселяхъ, въ посудѣ и во всѣхъ прочихъ принадлежноспяхъ.

Но вдругъ явившаяся буря спрасшей (б), ужаснувшая Европу, успрашила и миролюбивыя искусства и преклонила ихъ къ новымъ предразсудкамъ. И при споль сильныхъ порывахъ къ красотамаъ, при споль опличной цѣли, искусства еще не могли вдругъ опредѣлишь истинныхъ положительныхъ законовъ, со всѣми ихъ измѣненіями въ опношеніи природы къ искусствамаъ и сихъ между собою; шо ложныя значенія во мнѣніи красотаъ, принявшихъ однѣ за другія, были одобрены.

Ложное воспишаніе, введенное новомоднаго шона людьми, принаравливалось къ духу времени и угождало вкусу шоль-

---

(б) Французская революціа, распространившаяся пошомъ и по всей Ишалии.

ко по обстоятельствушвамъ; художники угождали модѣ и людскимъ мнѣніямъ, не проникая въ духъ самой природы; театральное искусство брало себѣ за образцы людей новомоднаго воспитанія, замѣчая всѣ ихъ движенія и дѣйствія, для подражанія во всѣхъ представленіяхъ лицъ, не вникая, что они бывающъ различныхъ вѣковъ, свойствъ народовъ и образованности, и потому содѣлалось слишкомъ однообразно въ своихъ картинахъ. Скульптура и живопись спали подражали театральному искусству и древнимъ произведеніямъ, а не натурѣ. Произвольныя искусства искали предметовъ для подражанія, а иныя хотѣли-было изгнать вкусъ изъ своей области. Идеальствующія и подражательныя искали также произвола и проч.

Въ семъ возмущенномъ духѣ всѣ искусства осмѣивались до насупившаго благоденствія мира, измѣнившаго духъ всѣхъ европейскихъ народовъ, усремившихъ и искусства къ простотѣ, которая отвергла все надутое, принужденное, рѣзкое. Но выборъ сей крайности, безъ мѣры,

приличія и безъ важной цѣли, уклониль-
было оныя къ безобразію, которое одна-
кожь не понравилось вѣку и осталось въ
пренебреженіи у большей части худо-
жниковъ, хотя нѣкошорые еще слѣ-
дуютъ ему и по сіе время (а).

Воспоргъ шворитъ искусствва, а ну-
жда производишь ремесла; шо есть, чув-
ствшшельность изъ самаго ремесла дѣ-
лаешь шолько искусствво, безчувствен-
ность же и изъ самаго искусствва соспа-
ешь шолько ремесло.

Когда человѣческое сердце трепещеть
отъ воспорговъ, а душа шаептъ, плѣня-
ясь красошами природы, и спремитъ
выразитъ шаковыя чувствованія перомъ,
рѣзцемъ, или кистію; шогда самое ремесло
искусшва, служа умствованію воображе-
нія, дѣлается уже совершенно искусстввомъ:

(а) Смошрите безпристрашно на новѣйшія
произведенія искусствъ и на древнія для
сравненія съ оными и съ произведеніями
всѣхъ прочихъ вѣковъ и народовъ, упра-
жнявшихся въ нихъ.

но всякое искусство, когда производишь чинно либо не чувствую и не умствую, еще бываетъ только ремесломъ, машиною.

Опять цѣли законовъ и средствъ зависишь умствование и механизмъ, опять степени механизма и умствования опредѣляюща степени ремесла и искусства, хотя каждое искусство имѣетъ въ особенности и свое ремесло, и всякое ремесло также свое искусство, и опять перевѣса и того или другаго происходитъ ихъ постепенность отъ ремесла до произвола, подражанія и идеала, который уже своею вообразительною силою высоко возносивъ предъ нами, кои, будучи лишены оной, опускаются низко, доходя постепенно до безчувственности и машинъ, замѣняющихъ руководствія челоѣческія.

Всякая цѣль происходитъ отъ стремленія, и такъ ежели оно жаждетъ удовлетворить прихоти духа, то непременно уже отъ вообразительной силы происходитъ стремленіе и къ умствованіямъ: но если же только нужно удовле-

твореніе необходимости, тогда уже нѣтъ никакого стремленія, а слѣдовательно нѣтъ мѣста чувствованіямъ, нѣтъ умствованію.

Опять ложной или истинной цѣли производятся такіе же и законы, а средства всегда должны бывать соотвѣтствующими имъ. Когда предполагается важная цѣль, тогда одни лишь истинные, прекрасные законы возмогутъ тому удовлетворять, и средства только мудрые, опытные; въ противномъ случаѣ все превращается въ безпорядокъ и въ ложную систему. И вотъ разница между Метродорами, Фидіасами, Полигносами и Апеллесами, занимавшимися искусствами поэтико-философски, и прочими, упражнявшимися въ нихъ механически, ремесленно!

Искусства тогда только достойны бывать наименованія изящныхъ, когда художникъ не только цѣлое, но и всѣ части и принадлежности ихъ стремится доводить до возможнаго совершенства; въ противномъ случаѣ онъ суесть только ремесленническія работы, не болѣе.

Не мудрствуюа философски (а), не чувствуюа поэтически, и изображая предметы безъ строгаго разбора вкуса, скульпшура естъ полько лѣвленіе, рубленіе, рѣзаніе, живопись крашеніе, архитекшура плошническая и каменная работа, музыка скрипѣніе, звучаніе, спучаніе, поэзія риемословіе, декламація, кричаніе, и мимика одно лишь разнообразіе движеній и дѣйствій.

Скульпторъ М. Крыловъ.

„Безъ пресвѣщенія неправо все старанье:
„Скульпшура кукольство, а живопись маранье.“

Сказалъ Княжнинъ въ своемъ посланіи къ російскимъ питомцамъ свободныхъ художествъ. Къ сему должно бы было прибавить, что и мудрость безъ особеннаго дарованія въ искусстввахъ бываетъ слаба въ производстввахъ.

ВЗГЛЯДЪ
НА
УСПѢХИ СЛОВЕСНОСТИ
И
ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУСТВЪ НА ЗАПАДѢ (*).

„La litterature d'un pays, outre le
» cachet de la nation, doit donc por-
» ter encore le cachet du siecle cou-
» rant.“

La Harpe.

Посреди мрака среднихъ вѣковъ, по-
крывавшаго древніе памятники просвѣ-
щенія, Карль и Альфредъ великіе, св. Вла-
диміръ, съ вѣрою водворившій изъ Кон-
станшинополя первыя плоды наукъ въ
-Россіи, Гарунъ Аль Рашидъ, Мавры
въ Испаніи и самый даже испуленный
Магомешъ являлись высокими генія-

(*) Смотри сочиненія Робертсона, Виллержера,
Порталисѣ, Коха, Кайданова, Журналъ
Изъясненій Искусствъ и пр.

ми, торжествовавшими надъ предрасудками своего вѣка и упоиреблявшими ихъ въ свою пользу. Но сіяніе ихъ было мгновенно. Западъ Европы, послѣ наводненія варварскими народами, долго оставался усыпленнымъ въ невѣжествѣ. Науки были въ забвеніи; подъ приютомъ монастырей паились для попомсхва драгоценныя творенія древнихъ; и изъ всѣхъ земель одна Италія сохранила только слабыя признаки познаній и образованности.

Свѣтъ наукъ, укрывавшихся въ восточной имперіи, и покровительсхва учености Калифами были зарею будущаго просвѣщенія на западъ Европы. Зодчесхва, хошя и не отпмчавшееся изящностию вкуса, процвѣпало у Аравищянь, и съ ихъ побѣдами распроспранилось по древнему міру, подъ несправедливымъ названіемъ, или смѣшеніемъ его съ *готическимъ*. Ихъ алкоранъ дышетъ высокими чувсхвами поэзіи и вишійсхва, и уже съ VIII спольщія, любя машемашику и врачебную науку, они руководсхвавались Аристотелемъ въ здоровой философіи. Между шѣмъ, какъ на сѣверѣ скалды, а у

Шотландцевъ барды, между коими сіяетъ
Оссіанъ, воспѣвали дикую природу, ишорія
въ сочиненіяхъ Гинкмарка, Эгингарда, Зо-
нара и Анны Комниной, отличалась умомъ
и вкусомъ. Неспоръ въ Россіи, въ Ислан-
діи Арефродъ и Спрурлезонъ оставили
лѣтописи о сѣверныхъ народахъ; хоши и
съ примѣсю вымысловъ. Духовное красно-
рѣчіе преимущественно являлось на воспо-
хѣ. Греческій языкъ въ сіе время измѣ-
нился; вмѣсто латинскаго явился новый
греческій, а изъ латинскаго составились
италіанской, французскій и испанскій;
языкъ же Горація и Виргилія вскорѣ, пе-
реставая бытъ живымъ, сдѣлался язы-
комъ вѣры; на немъ отправляли богослу-
женіе и писали законы.

Духъ времени въ продолженіе сего пе-
ріода является въ началѣ боренія ума со
страстями и предрасудками; но вліяніе
его не было вдругъ ощущительно на
успѣхи словесности. Сшаринныя сказ-
ки въ стихахъ и романы служили образ-
цовыми сочиненіями. Сирвенныя и пен-
соны (*) были въ забвеніи. Завоеваніа

(*) *Syrventes* родъ сшариннаго стихотворенія.

Франковъ и крестошвые походы сдѣлали ихъ пѣсни (романсы) общеупотребительными. Языкъ Франковъ во всѣхъ поршяхъ на востокъ способствовалъ въ шпорго-выхъ сношеніяхъ, какъ единственное средство для сообщенія между природными жителями и европейцами, у которыхъ онъ утвердилъ союзъ между людьми, не имѣвшими общаго опечесства.

Послѣ дурныхъ сочиненій съ приемами, кои въ словесности заимствованы опть Арабовъ, послѣ романовъ рыцарскихъ временъ, имѣли вліяніе на языкъ законы и исторія: по еспь къ XI столѣтію принадлежишь начало прозы. До сего же времени, и особенно въ X вѣкѣ, исключая испанскихъ Мавровъ, невѣжество было столь велико, что не умѣли читать и писать. Знаніе граманы одними монаха-

---

посвященнаго саширь, иногда любви и похвалъ, лирическая поэма у Испалианцевъ. *Les tençons* родъ криники или браннаго сочиненія, въ которомъ защищающа прошивъ несправедливости.

ми по необходимости сдѣлало ихъ посредниками и судіями въ гражданскихъ дѣлахъ, а слѣпое и корыстополубивое суевѣріе управляло перомъ первыхъ писателей.

По мѣрѣ опдаленія оныхъ временъ владычества римскаго и большаго образованія народовъ, наиболѣе дѣлалось необходимымъ, чшобы законы были писаны понятнымъ языкомъ какъ для вельможъ, производившихъ судопроизводство, такъ и для народа, ему подвергавшагося. Безъ сего существовало бы первоначальное неудобство въ томъ, что дѣла рѣшались бы по умозаключеніямъ и словеснымъ преданіямъ, а дѣйствіе судовъ необходимо бы должно существовало бытъ порочнымъ. По сей причинѣ языкъ законовъ сдѣлался кратокъ и ясенъ. Законодатели у младенчески живущаго народа, подобно дѣшьямъ, не въ систематическомъ порядкѣ, но коротко и легко изъясняяшъ свою волю: а посему ошъ прежнихъ законоположеній (*) нельзя ожидать систематиче-

---

(*) *Codex Theodosianus* былъ изданъ въ V вѣкѣ

скаго свода или изложенія, но только собранія правилъ, по вліанію обстоятельствъ, кратко постановленныхъ. Такимъ образомъ едва утвердился и образовался простонародный языкъ, по счастливому вліанію мешоды, приводя въ ясность и порядокъ слова и мысли, можно было согласить и тѣ начала, кои только зависѣли отъ случая; словомъ сказать, едва выраженія получили опредѣленность и рѣчь образовалась, то изъ обыкновеній воспавлены были уставы и предписаны

Феодосіемъ II для возстановленія порядка и спокойствія въ имперіи, кои были нарушены гоненіемъ язычниковъ, принужденныхъ вооружаться противъ христіанъ. Законы Юстиніановы (*Законоположенія, Деяствъ или Пандекты, Института, Новеллы и пр.*), говоритъ Кайдановъ, сколь ни великую похвалу приписываютъ имъ многіе историки, суть бедошашочны, запущанны, противорѣчаютъ одинъ другому и служатъ, по словамъ Монтескье, доказательствомъ, что иногда въ шеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, правовѣденіе перемѣнялось болѣе нежели нынѣ въ тридцать лѣтъ.

обряды. Вильгельмъ-завоеватель и Годфредъ Бульонскій на языкѣ романскомъ (*) обнародовали данные законы Англии и Палеспинъ.

Послѣ *вѣры и законовъ* наиболее берутъ участія народы въ *исторіи*. До сего времени сей священный залогъ народнаго просвѣщенія часто порабощаемъ былъ вымыслами поэтовъ, кои, по недоспапкѣ въ воображеніи предметовъ для сравненія, дополняли испину гигантскими карпинами; необичайныя мечпанія ихъ уничижали всякую мысль *вѣроятія*. Но счастливыя послѣдствія опъ введенія прозы во *всѣхъ дѣлахъ* вскорѣ начали сильно дѣйствовать на разумокъ, и тогда всѣ хопили видѣшь предметы яснѣе и опличительнѣе; узнали необходимость въ томъ, что надлежало попомству передавать подробно и обстоятельно память о церковныхъ и гражданскихъ постановленіяхъ. Пѣсней поэтовъ недоспапочно было для новыхъ нуждъ общества; но

(*) Шаринный французскій языкъ, составленный изъ латинскаго и кельшическаго.

требовалось повѣствованіе простое, неукрашенное строфами и приемами, въ коемъ бы истина и опроверженность были ограждены отъ обольщенія вымысловъ поэзіи. Проза положила начало исторіи, а исторія ее усовершенствовала. При всемъ томъ она заключалась въ одномъ преданіи народныхъ разсказовъ; рѣдко находимъ доказанныя происшествія; басни были въ всеобщемъ употребленіи, и искусство криптики, обобщенно дѣйствующей, не было извѣстно. Исторія приближалась къ романамъ; романы ея мѣсто занимали. Таковое ужасное смѣшеніе, лишенное вкуса и изящности, нравилось чашащеламъ-невѣжамъ и легковѣрнымъ, а отъ того всѣ понятія и мысли, бывъ перемѣшаны, съ безпорядками вкрались въ словесность. Къ сему немало содѣйствовали и другія причины. Въ учрежденныхъ школахъ при соборныхъ церквахъ и монастыряхъ находились библіотеки съ древними рукописями; но ихъ не умѣли цѣнить: ибо часто выскабливали драгоценныя греческія творенія для письма на ихъ пергаменѣ чешиминей и уста-

Вовъ. Спихотворенія писались на латинскомъ и на новѣйшихъ языкахъ, изъ коихъ въ сихъ послѣднихъ Италіанцы, а потомъ Французы служатъ примѣраи. Фосе, позпъ того времени, упоминаешь о 127 спихотворцахъ, во Франціи жившихъ до XIII вѣка. За сто же лѣтъ до сего трубадуры (*) открыли сіе поприще въ южныхъ ея спранахъ и распространили вкусъ къ спихамъ и къ прованскому нарѣчію, кошорый одинъ только и имѣлъ нѣкошорую изящность. При всемъ томъ около сего времени образовался французской языкъ, а англо-саксонскій приблизился къ нынѣшнему англійскому. Древніе романы были переведены прошою прозою съ латинскаго языка, кошорый вообще до XIII спользія почитался языкомъ ученыхъ, но школьными рѣченіями былъ искаженъ: другіе же были писаны безъ рѣмъ, и наконецъ начали переводитъ по небольшое число древнихъ классиковъ, кои случаемъ были из-

---

(*) Troubadour, Trouverge или Trouveur: старіи ные спихотворцы прованскіе.

бавлены отъ всеобщаго забвенія, но по всеобщему невѣжеству долгое время пребывали въ неизвѣстности.

Отъ такого вліянія западные языки, наполненные почти повсюду варварскими нарѣчіями и множествомъ согласныхъ буквъ, становились мягче для уха. Сухой и безъ оштѣнокъ французскій слогъ у Виллегардуена уже не былъ вовсе лишень красоты и благозвучія подъ перомъ Вильгельма де Лорисъ: вскорѣ Жуанвиль представилъ въ немъ то легкое развишіе, шотъ природный изворотъ и простоту выраженій, кои споль неприужденно и пріятно изображаютъ предметы. Казалось, что успѣхи языка должныствовали бы скорѣе слѣдовать, нежели предшествовать успѣхамъ вкуса; но разумокъ поспешенно образуешь людей. Нужно утвердишь логическій порядокъ, который былъ бы въ состояніи лучше дать направленіе рѣчи. Если языкъ усовершенствуется по мѣрѣ утонченія нравовъ; нужно для образованія вкуса просвѣщеніе разума, который въ семь усиливаетъ вмѣстѣ съ очищеніемъ языка.

Въ сіе время умственныя силы Европы пробуждались опть долговременн и дремошы своей. XIII столѣтіе ознаменовано въ аравійскомъ калифатѣ, въ Испаніи, успѣхами славнаго философа и врача Аверроаса. Открышія Бѣкона въ астрономіи, механикѣ, оптикѣ и химіи, процвѣшаніе многихъ университетовъ (изъ коихъ, Оксфордскій прославился богословіемъ, Болонскій правовѣденіемъ, Монпельерскій медициною, а Парижскій различными отраслями наукъ и коего депуташны присущствовали въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ, и своимъ мнѣніемъ имѣли на дѣла вліяніе), содѣйствуя къ развитію умственныхъ способностей, пробудили и словесность. Но произведенія ея были лишены нѣкоторое время изящнаго вкуса. При грубости нравовъ не можешь вдругъ испробиться благоприспѣшность въ выраженіяхъ самыхъ чувствъ. Ученіе заключалось тогда въ бесполезномъ способѣ оплывашь предметы, вмѣсто того, чшобы предварительно думашь и разсуждашь о нихъ: сіе вовлекло писателей во многія

заблужденія, такъ, что, при изображеніи любви, они входили въ мѣлочныя подробности ложной метафизики и смѣшныя формы школьныхъ предложеній. Наконецъ сей вкусъ, первенствующій въ аллегоріяхъ, который дышалъ теологическимъ ученіемъ и производилъ отъ невѣжества, въ коемъ находились наславники слова св. писанія, наполнилъ поэмы и младенчески-вующій театръ холодными аллегорическими лицами, коихъ щавншвенный языкъ былъ чуждъ спрашамъ, чувстввенности и хорошему вкусу. Въ такомъ состояніи на западѣ находилась словесность почти до временъ Карла V, между тѣмъ какъ въ священныхъ свѣтахъ Византіи, до несповаго завоеванія Турокъ, краснорѣчіе процвѣтало. Распростертый ужасъ еими завоевателями засварилъ нѣкопорыхъ Грековъ, еще задолго до ихъ паденія, переселились въ Италію. Они открыли училища и, возрождая изящный вкусъ, познакомили ее съ письменами Афинъ и Рима. Это имѣло вліаніе на природный италіанскій языкъ. Стихотворенія Данте, Алгieri, Петрарки и Бокаччо обра-

зовали его нѣжнѣйшимъ и благозвучнымъ. Прочіе народы, соревнуя Италіи въ словѣ, начали оплечиваться также своими успѣхами на либературномъ поприщѣ. Между нѣмцами почитаются лучшими: Гогонъ, Тримбергъ, Генрихъ Алимарскій, Мельхъ Пфанцингъ. Но ихъ геній въ то время не имѣлъ подобнаго полета съ италіанскими стихотворцами, почему въ насмѣшку ихъ даже называли цѣховыми поэтами. Прованская поэзія поддерживалась почти до изхода XV вѣка, а сочешаніе Изабеллы и Фердинандо сдѣлало языкъ каспильскій всеобщимъ. Англія въ сіе время обрабатывала также свой языкъ, но безъ особенныхъ успѣховъ; а у Французовъ шворцемъ поэзіи счищались Амена Шаршье и въ саширическомъ родѣ современника его Корбевиля. Вообще съ сего времени начинаешся во Франціи цѣпь ея знаменитѣйшихъ поэтовъ, изъ коихъ Виллонъ составляетъ первое звено.

Поэзія, въ особенностяхъ эпическая, служишь орудіемъ къ усовершенствованію языка; она естъ зеркало, отражающее въ себѣ жизнь, чувства и самыя по-

нїя шого народа, коєму она принадле-
жишь. Она, бывъ доступна сердцу и плъ-
ня воображеніе, изображаешь нравст-
венный міръ, проникаешь въ тайны не-
исповѣдимыя провидѣнія и разрѣшаешь
загадку чловѣческаго предназначенія; она
облагороживаешь поступки и спрашпи
дѣйствующиыхъ лицъ и знакомишь съ о-
бычаями и политическою жизнью народа
своего времени. Такимъ образомъ Омеръ
оживошворяешь въ глазахъ нашихъ Гре-
ковъ. Но всѣ ли народы могутъ хвалишь-
ся симъ преимуществомъ? Новѣйшіе не
имѣли подобнаго пѣвцу Иліона, а ошъ
сего самые успѣхи лшерапуры ихъ дол-
женствовали имѣшь другое направленіе.
Французскіе стихошворцы, съ усиленіи
воздѣлывая нивы своей словесности, ус-
пѣли только очиспишь языкъ ошъ вар-
варскаго смѣшенія словъ лшвинскихъ и
шюдескихъ (*), округлили періоды и вмѣ-
стишь съ поэтическими оборотами обогат-

(*) La langue tudesque, старинно-нѣмецкій, гер-
манскій языкъ. На нынѣшнемъ ишпанскіи-
скомъ *tedesque* значить нѣмецкій.

шили его живописными эпипешами. Успѣхи въ прозѣ быди опличительнѣе, не по-тому впрочемъ, чшобы языкъ французскій былъ вовсе лишень поэтическихъ до-стоинствъ. Степень чувствительности народа есть мѣра генія поэзіи его; и по-тому по самымъ врожденнымъ чувствамъ она Французамъ свойственна. Успѣхи ихъ въ прозѣ происекали, шакъ какъ и у всѣхъ народовъ, отъ самаго хода мыслей. Логика спрасней всегда различествуетъ отъ логики мыслей. Душа поэта увлече-на воспоргомъ; сердце и чувство его го-ворятъ по вдохновенію; онъ не можеть сцѣплять поспешенно своихъ мыслей по внѣшнему дѣйствию и движенію, но имѣ-еть способность *творить*. Геній въ поэзіи не знаеть предѣловъ; полеть его долженъ быть свободень; онъ увлечень впечатлѣ-ніями: и живѣшее чувство, сильнѣйшая спраснь, дѣлается серединою или пружи-ною, приводящею въ движеніе всѣ его по-нятія и чувства. Прозаикъ напрошивъ того дѣйствуетъ съ хладнокровіемъ; онъ старається доводами убѣдитъ разсудокъ и къ сему слушащеля поспешенно ведетъ.

Онъ ищеть болѣе проспошы въ слогѣ, нежели благозвучія, ищеть существенности, но не украшенія. Сила краснорѣчія у него служишь не для обольщенія чувствъ, но оружіемъ разсудка и истины. Взявъ въ разсужденіе содѣйствіе къ сему національнаго характера и климата, мы можемъ опредѣлишь степень успѣховъ словесности у Французовъ.

Послѣ вліянія поэзіи, законоположенія и ишоріи заслуживаешь вниманіе и *вліяніе женщинъ* на успѣхи литературы. Воспомявъ о произведенныхъ впечатлѣніяхъ прекраснымъ поломъ на нравы рыцарства и на пѣсни трубадуровъ, мы невольно признаемъ его участіе въ образованіи языка и въ содѣйствіи къ пріятному, легкому и остроумному изъясненію мыслей у многихъ писателей.

(Окончаніе впереди).

С М Ъ С Ъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

I.

Общество извѣстилось и съ удовольствіемъ спѣшить увѣдомишь читателей своего журнала, что авторъ многихъ прекрасныхъ поэмъ А. С. Пушкинъ окончилъ романъическую трагедію: *Борисъ Годуновъ*. Можно полагать, что это произведение будетъ эпохою въ исторіи нашей словесности. У насъ трагедія примѣнно отпала отъ другихъ родовъ поэзіи. Авторъ, сколько любимый просвѣщеннѣйшею публикою, даетъ право ожидать отъ него своего произведенія такихъ же совершенствъ, какими у него отличались прежнія. Остаеяся только пожелаешь, чтобы онъ не замедлил предсавить на судъ публики свое сочиненіе, и пѣмъ придашь бы новое украшеніе нашей словесности, которое отъ него преимущественно она привыкла заимствовать,

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ИМПЕРАТОРСКАГО ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВАГО ОБЩЕСТВА.

Журналъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества будетъ издаваемъ въ слѣдующемъ 1826 году.

Цѣль онаго состоятъ въ томъ, чтобы содѣйствовать къ усовершенствованію нравственнаго, гражданскаго и физическаго (состоянія) чловѣка, и сообщая, какъ отечественной, такъ и иностранной публикѣ извѣстія о существующихъ издавна и въ новѣйшее время открываемыхъ разнаго рода благошворительныхъ заведеніяхъ и открытіяхъ, доказавъ приемлемыя въ семъ отношеніи Правительствами и частными людьми мѣры, а вмѣстѣ съ симъ сохраняя оныя заботы подвиги прежнихъ и современныхъ благошворителей.

Журналъ сей будетъ состоятъ изъ слѣдующихъ отдѣленій.

I. Литература Благошворительности и Нравственія.

II. Благошворительныя сословія, заведенія и открытія.

III. Общенародное братство.

IV. Официальныя и другія извѣстія по части благошворенія.

Во первомъ отдѣленіи будутъ помѣщаемы: Жизнеописанія благошворительныя человѣчества; Нравоучительныя сташи, почерпнутыя изъ разныхъ христіанскихъ писателей; Разсужденія, имѣющія благошворную цѣль и клонящіяся къ искорененію въ народѣ предразсудковъ, вредныхъ для здоровья и нравственности; Поучительныя повѣсти; Сташи о нравственномъ образованіи юношества, въ особенности бѣднаго сословія; Теоретическія свѣдѣнія объ устройствѣ благошворительныхъ заведеній и учрежденій и проч.

Во второмъ: Описанія больницъ, воспитательныхъ и сиротскихъ домовъ призрѣнія и трудолюбія, заведенія для помѣшавшихся въ умѣ, школъ для бѣдныхъ и проч. какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ государствахъ; Объявленія о новыхъ изобрѣденіяхъ; служащихъ къ отвращенію разныхъ несчастій, и къ облегченію страждущаго человѣчества; Извѣстія объ устройствѣ и управленіи тюремъ и смиренительныхъ домовъ, о разныхъ способахъ къ исправленію преступниковъ и отвращенію преступленій.

Во третьемъ: Мѣры къ сохраненію жизни человѣческой и здоровья вообще, и въ особенности въ благошворительныхъ заведеніяхъ; Средства предупреждать болѣзни и врачевать ихъ прослыми и для всѣхъ удо-

бными способами; Дієшпитальскія наставленія касательно воспитанія дѣшей; Наставленія возвращающъ жизнь мнимоумершимъ, ушопшимъ, замершимъ, въ обморкѣ находящимся и проч.; Описанія учрежденныхъ для сего заведеній и новоизобрѣшенныхъ, снарядовъ.

Въ Четвертой: Поспановленія заведеній вѣдомства Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и по благошворительной части вообще; Опчеты помнущихъ заведеній о суммахъ и дѣйствіяхъ оныхъ; Увѣдомленія о благошворительныхъ приношеніяхъ, поступающихъ въ сіе Общество; Извѣщенія о семействахъ и лицахъ, впадшихъ по разнымъ несчастнымъ приключеніямъ въ крайнее бѣдствіе, и, кромѣ доставляемаго имъ опъ Общества самонужнѣйшаго вспоможенія, заслуживающихъ чрезвычайную помощь.

Изъ сего обозрѣнія явствуютъ многоразличіе и общепользность предметовъ, входящихъ въ составъ сего Журнала. Всякъ благомыслящій найдетъ въ немъ пищу для души, ума и сердца. По сему Комитетъ пишетъ себя надеждою, что благосклонная Публика удостоитъ своимъ вниманіемъ шруды его, принимаемые для распространенія свѣдѣній, содѣйствующихъ къ уменьшенію бѣдствій спраждающаго человѣчества.

Дорогошныя пожертвованія въ подкрѣ-

пленіе дѣйствій **ИМПЕРАТОРСКАГО** человѣколюбиваго Общества, адресуяся на имя Совѣта онаго общества. Извѣщенія о семействахъ и лицахъ, находящихся въ крайнемъ положеніи и пребующихъ особенной помощи отъ благотворительной публики, могутъ быть присылаемы въ сей Комитетъ, который, при соблюденіи постановленныхъ правилъ, не приминетъ помѣспити оныя въ издаваемомъ имъ Журналѣ. Ему пріятно быть, въ таковомъ случаѣ, посредственникомъ между несчастіемъ и благотворительностію, и какъ бывають случаи, въ которыхъ бѣдные не могутъ дѣлать гласнымъ своего имени, но и въ семъ отношеніи соблюдено будетъ надлежащее приличіе. Законная воля благотворителей всегда будетъ свято исполняема.

Комитетъ приглашаетъ Гг. членовъ своихъ Корреспондентовъ, такъ же врачей, начальствующихъ надъ благотворительными заведеніями и всѣхъ просвѣщенныхъ друзей человѣчества, участвовавшихъ въ его трудахъ доспавленіемъ своихъ наблюдений, сочиненій и переводовъ. Всѣ таковыя статьи Комитетъ приметъ съ признательностію, и при соотвѣстствіи ихъ предположенной цѣли, помѣспити оныя въ своемъ изданіи. Комитетъ употребитъ спараніе сдѣлать оное сколько мо-

жно занимательнымъ и полезнымъ для чита-
телей.

Каждый мѣсяць будетъ выходить одна книжка, заключающая въ себѣ шесть и болѣе печатныхъ листовъ; прищавовыя книжки со-
сѣвають часшь. Цѣна сему Журналу за годовое изданіе, здѣсь въ С. Петербургѣ 25. р., съ доставленіемъ во всѣ города 3.; полугодовое изданіе 15 ууб. Впрочемъ благошворительнымъ особамъ предоспавляется вносить и болѣе означенной суммы для предметовъ человеко-
любія.

Подписка здѣсь въ С. Петербургѣ принима-
ется въ Комитетъ по учёной части ИМ-
ПЕРАТОРСКАГО Человѣкълюбиваго Общества,
состоящемъ въ домѣ вѣдомства рнаго Обще-
ства, на Лицейной: ежедневно съ 8 до 10 ча-
совъ поутру и съ 6 до 9 часовъ послѣ обѣда;
также у книгопродавцевъ: Сень Флорана, Слѣ-
вина, Свѣшниковъ и Глазунова. Иногородныя
особы благоволятъ опноситься съ требовані-
ями прямо въ помянутый Комитетъ или въ
Газетную Экспедицію С. Петербургскаго По-
чтамста. Въ томъ же Комитетѣ можно полу-
чать Журналь сей за прошедшіе годы съ 1818.
г.—цѣною по 25. р. годовое изданіе.—

19. V. 1932